

ИГОРЬ
СЕРЕДЕНКО

КИТАЙСКАЯ
РОЗА

Игорь Середенко

Китайская роза

«Innovation Systems, Inc.»

2013

Середенко И. А.

Китайская роза / И. А. Середенко — «Innovation Systems, Inc.»,
2013

Двое молодых друзей из Англии отправляются в путешествие по непроходимым тропам Уданских гор. Здесь, вдали от цивилизации, молодой англичанин по имени Вильям при случайных обстоятельствах встречает загадочное и удивительное создание – дивной и необычной красоты молодую китаянку, ведущую дикий образ жизни. С этого момента Вильям и его друг попадают в сеть круговоротов, полных таинственности и опасности, через которые им доведётся пройти, чтобы разгадать запутанную и печальную судьбу девушки.

© Середенко И. А., 2013

© Innovation Systems, Inc., 2013

Содержание

Уданские горы	6
При первых солнечных лучах	12
Дикое рычание предков	15
Властелин пещеры	18
Могущественные силы природы	23
Разнообразие живого и единство природы	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Игорь Середенко

Китайская роза

© Игорь Середенко, 2013

© Igor Seredenko, 2013

Max E-Publishing

2252 Keylon Dr., West Bloomfield, MI 48324

Телефон +1 (248) 366-8311

Факс +1 (775) 542-2405

<http://www.maxepublishing.com>

<http://www.maxepublishing.ru>

Max E-Publishing – торговый знак компании Innovation Systems, Inc.

Все права защищены.

Ни одна часть этой книги не может быть воспроизведена или передана в какой-либо форме или какими-либо средствами, включая электронные, механические, фотокопирование, запись или другие, без письменного разрешения издателя. За информацией о получении разрешения на перепечатку или цитирование обращайтесь по адресу 001@comcast.net.

Уданские горы

Эта история началась в непроходимых районах Уданских гор. Редкий человек мог посетить эти величественные, роскошные и богатые буйной природой места. Склоны гор и скалы были сплошь покрыты дремучими и непроходимыми лесами, среди которых вились небольшие речки, низвергаясь водопадами и впадая в низовьях в крупные озера, сплетающие целую сеть соединенных каналов, питающих землю живительной влагой гор. Весной снег таял, наполняя реки и озера пресной водой, а зимой вершины гор вместе с несметными хвойными деревьями, окаймляющими вершины, надевали белые пышные шапки снега. Ранними лучами солнца золотисто освещались древние и могучие вершины гигантов, которые извилистой цепочкой формировали устойчивый строй Уданских гор. Лучи проникали все глубже, позолотив вначале вершины деревьев, а затем спускались, разливаясь по долине. Лес просыпался и жизнь в нем оживала, как и сотни тысяч лет назад. Лилово-алый восход сменялся на бело-красный, а затем желтый гигант поднимался все выше и лучи его, огибая молчаливых великанов, падали в самые глубокие расщелины, отражаясь в озерах, делая их прозрачными, и в речушках, мирно бегущих вниз вдоль небольших желтоватых холмов, впадающих в более крупные реки. Первыми рассвет встречали птицы, они громко щебетали и пели, восторженно сообщая всему миру радостную весть о наступлении нового дня жизни.

Двое молодых джентльменов в сопровождении еще не старого китаец и его собаки мирно брели поднимаясь по склону горы и пробираясь по труднопроходимым местам. Впереди шел китаец, он внимательно опытным взглядом проводника оглядывал камни и ветки, которые постоянно встречались на пути, мечом срезая мешающие ветки и пробираясь вперед. Позади него шли двое молодых джентльменов европейской наружности, которые внимательно оглядывались по сторонам и прислушивались к каждому шороху. Замыкала шествие собака, которая то и дело останавливалась, приносивалась и следила за молодыми людьми.

Легкий туман окутал лес и можно было почувствовать, как сырость хвойного леса пробирается сквозь ноздри и напоминает путникам о том, что они вступили в девственные леса к которым доходили единицы.

Джентльмены начали чувствовать тяжесть в дыхании. Каждый их вдох наполнялся сыростью вперемешку с капельками тумана, наполняя грудь чистейшим воздухом и парами составляющими дыхание леса.

– К этому трудно привыкнуть, Эрик. – произнес юный голубоглазый джентльмен в шляпе.

Он был одет на лондонский манер: шорты, рубашка и шляпа, необходимая для путешествий. Продолговатое лицо было окаймлено бакенбардами. Его приятель также был юн, он носил усы, а его голова была покрыта вьющимися черными барашками.

– Ничуть, Вильям. Стоит здесь пожить каких ни будь десять дней и мы с легкостью сможем дышать этим девственным лесом.

– Смотри, он не сводит с нас глаз, – произнес Вильям, указывая на собаку позади них.

Эрик остановился и оглянулся. Пес и впрямь внимательно наблюдал за ними, за каждым их движением. Опустив низко голову, он смотрел своими черными глазами на Эрика, словно изучал его.

– Ты знаешь, – сказал Вильям, – он не очень-то похож на собаку.

– Ты слышал, как он лает? – неожиданно спросил Эрик.

– Нет. Ты знаешь, за все путешествие я ни одного лая не слышал. Надо бы Лей Юня спросить о нем.

Китаец закончил рубку мешающих проходу веток.

– Мы мозит ити, – сказал, сильно шепелявя и с диким акцентом, китаец.

– Скажите-ка любезный Лей Юнь, далеко ли та хижина, к которой мы путь держим? – спросил Вильям.

– День путь, завтра будит, – произнес проводник.

– Стало быть, завтра мы доберемся, – вздохнул Эрик, – признаюсь, я порядком устал и дьявольски голоден.

– Ничего, – голос Вильяма звучал уверенно, – Лей обещал вкусную рыбу по особому китайскому рецепту приготовленную. Потерпи мой друг еще немного и ты будешь вознагражден сполна.

Путники продолжили идти вслед за проводником. Извилистыми, едва заметными тропами, по которым редко ступала нога человека, молодые джентльмены шли мерным шагом и переговаривались, делясь воспоминаниями или молча осматривая дикую природу. Вильям достал флягу с водой, сделал несколько глотков и передал ее Эрику.

– Не отставай, – сказал Вильям, – мы должны придерживаться обещания данного в Лондоне.

– Да, я помню это – пересечь весь Китай от Запада до Востока. Это не город пешком перейти. Признаюсь, когда я клялся осуществить это путешествие, я не думал о том, что путь будет таким извилистым. Мы все время петляем, то вверх, то вниз.

– Что же ты хочешь, дружище? – сказал Вильям, – это ведь горы.

– Ты хочешь сказать, что ты знал об этом?

– О, нет, конечно, нет. Ничего подобного даже в мыслях не было. Я хотел окончить образование с отличием. И, как видишь...

– И теперь мы выполняем мое обещание: в случае твоего успеха в учебе – пересечь пешком весь Китай, с Запада на Восток. Это же безумие, Вильям.

– О, да. Тут я с тобой согласен. Но разве это не прекрасное путешествие? Окунуться в дикую природу, пройти там, где никогда не было людей.

– Поверь мне, люди есть везде. Даже здесь. – произнес Эрик, передавая флягу.

– Ты, похоже, огорчен этим обстоятельством?

– Ничуть, напротив. Будет кому позаботиться о наших телах, когда их обнаружат через месяц-другой. – с сарказмом провозгласил Эрик, поправляя рюкзак за спиной.

– А мне здесь нравится.

– Тебе легко говорить, ты ведь не знаешь, когда нужно остановиться. – сказал Эрик.

– А зачем? Жизнь не наградила человека вечным пребыванием на Земле. Время надо ценить. Стоит взглянуть на эти леса и горы. Во всяком случае, нам будет что вспомнить потом в Лондоне, когда вернемся. Путешествия и трудности закаляют.

– Это в тебе говорит бесшабашность, по причине молодости, – сказал Эрик.

– Прав, они не делимы. Где молодость, там невольно присутствует свобода. Э, ге, ге! – громко протянул Вильям, как бы обращаясь к здешней природе.

– Ты, Вильям, всегда умеешь подзадорить и поднять мое настроение. Может ты и прав, не стоит так грустно смотреть на некоторые вещи. Может быть то, что нас сейчас окружает и есть то самое лучшее и волнующее, что будет еще не раз упомянуто нами в нашей короткой жизни.

– Ты все-таки неисправимый пессимист, – заключил Вильям.

Молодым джентльменам недавно исполнилось по двадцать лет. Оба лондонца, с отличием окончившие экономический факультет, отправились в это нелегкое и воистину закаляющее дух и тело путешествие на свой страх и риск. А, что еще можно делать, когда ты сыт и богат, знатен и молод, смел и любишь путешествия? Перед тобой раскрываются просторы Вселенной, тебе хочется окунуться в океан приключений, и не задумываясь, опробовать мир в его первозданном виде. Ничто так не бодрит, как хорошее путешествие по девственной природе в компании лучшего друга.

К вечеру путники добрались до небольшой хижины, построенной из бревен. Внутри домика была крошечная прихожая и небольшая комната, в которой им предстояло переночевать. Мебель была довольно скудна: деревянный стол, два самодельных стула, вырубленных из того же дерева, что и хижина. Постелив листья на пол, они улеглись спать, не задумываясь о простоте условий. Дом располагался в небольшой низине, окруженной лесом. С севера находился кристально чистый пруд, который наполнялся небольшим ручейком, петлявшим между склонов, покрытых множеством деревьев и разнообразных кустарников. Собака по кличке Чан расположилась в прихожей у двери, то и дело принимаясь и прислушиваясь к разнообразным звукам, принадлежавшим ночным обитателям леса. Путники расстелили небольшие циновки поверх уложенных листьев, которые служили им временной кроватью, и уснули после тяжелого и утомительного дня.

Когда первые лучи утреннего солнца проникли вглубь комнаты Вильям, шуря глаза, лениво потягивался на своем ложе. Эрик еще спал, повернувшись на бок. Вильям встал и неуверенной походкой побрел к двери. Там он обнаружил висевшее на крючке охотничье ружье, которое с вечера повесил Лей Юнь. Самого проводника не было. Вильям подошел к небольшой бочке, в которой плавала металлическая кружка, привязанная к ней за ушко. Зачерпнув воду, он выпил ее медленными глотками. Вода была прохладная и удивительно вкусная, свежая, словно ее только что набрали из лесного ручейка. Зачерпнув в ладонь, он умылся, протер глаза ото сна и подошел к стене, где висело ружье Лея. Он провел рукой вдоль ствола и как будто почувствовал какой-то запах. Вильям потянулся к отверстию дула, легкий запах пороха щекотал ноздри. «Из него стреляли», – подумал Вильям. В комнате послышался шум, это был Эрик, он только что встал.

– Который час? – спросил Вильям, входя в комнату.

– Без четверти девять, – зевая, ответил Эрик.

– А мы неплохо поспали.

– Тяжелый денек был вчера, я уж думал, что в лесу придется ночевать. А сейчас я страшно голоден.

– Где Лей? – вопросительно посмотрел Эрик на Вильяма.

– Я полагаю, Лей поднимается вместе с первыми лучами, – ответил Вильям, – и судя по тому, что его ружье пахнет порохом, он готовит нам завтрак.

– О, да. Это то, что нужно для двух изголодавшихся желудков. Так чего же мы ждем?

И они выбежали из комнаты. Рядом с хижинкой, напротив небольшой поляны горел костер, а над ним варился завтрак. Легкий ветер разносил приятный аромат вареного мяса. Над варевом трудился Лей Юнь, он разделял рыбу.

– Да! Вы не только замечательный охотник и рыболов, но и прекрасный повар! – сказал восторженно и добродушно Вильям, обращаясь к Лею.

Неподалеку у дерева лежала собака и грызла кость, которая досталась ей на завтрак.

– Признаться, я даже не слышал выстрела, – сказал Эрик.

– Мы просто крепко спали. – ответил Вильям за Лея.

– Сколо кусать катова, – произнес Лей. – Лыбы ного, диси ного. Богатый зимля.

– И не только богатый, но и чудесный, – произнес Вильям, оглядываясь по сторонам и любуясь, подобно школьнику увидевшему впервые дикую природу во всей красе.

– Да, не зря мы так вчера мучились, забредя в эти леса и горы. Оно того стоит. Раз увидев, запомнится навсегда, – сказал Эрик.

Путники решили остаться здесь до утра. Вечером, сидя у огня, они вспоминали пройденный недавно путь. И вот речь зашла о собаке Лея. Чан словно почувствовал, что речь идет о нем, наострил уши и поглядел на хозяина.

– Скажите-ка любезный Лей, а ведь правда, что это необычная собака? – произнес Эрик указывая в сторону Чана.

– Мне подалок от лусских, – ответил Лей Юнь, – холосий собака, сильный, умный. Совсем сенок быть, я воспитать тли года. Теперь это быть мой длуг и он помогать мне.

– Но ведь он не очень-то похож на овчарку, – заметил Вильям, – у него есть смесь кровей. Он не совсем собака. Вы меня понимаете?

– Да, ответил Лей Юнь, лусский хозяин сказать, что его отец быть волк, а мать собака.

– Теперь понятно, почему он не лает. – утвердительно произнес Эрик, – То-то я смотрю, что он как-то странно ведет себя. Мне даже показалось, что он завывал этой ночью, словно волк.

Эрику захотелось услышать интересную и загадочную историю о Чане и он любопытствовал:

– А вы можете рассказать нам что-то загадочное, что произошло с вами и Чаном. Ведь у каждого человека за его жизнь может произойти что-то необычное.

Китаец задумался, словно вспоминал что-то. Вильям пошел к огню и снял с него чайник, из которого повалил пар. Вместе с Эриком они налили воду в небольшие дорожные металлические чашки. Приготовив чай из сухих веток и листьев чайного дерева, они уютно расположились у костра. На небе небольшие тучки уплыли куда-то за горизонт, туман начал рассеиваться, среди многочисленных деревьев и на просторах черного неба стали появляться крошечные огоньки. Звезд было так много, что казалось они освещают низины темного леса, и даже верхушки гор отражают их своими снежными шапками. В лесу стали слышнее голоса ночных животных и птиц.

Лей закурил трубку, подаренную ему молодыми джентльменами. И вот он оживился, его глаза заблестели от желто-красных языков пламени костра, похоже было, что он вспомнил какую-то историю, приключившуюся с ним. Он рассказал, как несколько лет тому назад проходил в этих краях с собакой и заметил, что Чан у перевала начал как-то странно себя вести. Пес был чем-то встревожен. То ложился и завывал, то вновь вскакивал, то бросался в заросли, словно увидел там что-то. Но каждый раз он возвращался ни с чем. Его хвост подрагивал, а в глазах впервые был виден страх. Лей Юнь рассказывал так, словно это произошло вчера и он все еще взволнован этими событиями.

Он продолжал. Иногда собака металась по сторонам, искоса поглядывая то на хозяина, то в лес. Был темный зимний вечер. Луна освещала верхушки деревьев серебристым светом. Ее лучи отражались в одеяле снега, частично покрывавшего кроны деревьев и кустарников. Иногда пролетала ночная птица, метнувшись с одного дерева на другое, будто ее кто-то испугнул. Лей Юнь не терпелось поскорее перебраться на ту сторону перевала, и к середине ночи добраться до буддийского храма, который находился недалеко от перевала. И вот, когда он наладил переход и канат был натянут, он позвал Чана, но пес не откликнулся. Лей Юнь оглянулся в сторону, где лежала собака и увидел Чана в необычной позе. Пес высоко поднял морду, словно тянулся к звездам. Китаец понял, что пес что-то почувствовал своим чутким носом и теперь пытается не упустить этот запах. У волков хорошее обоняние. Они могут учуять добычу за несколько километров. Но здесь что-то было не так. Собака странно себя вела. Чан стоял в напряженной позе с вытянутой мордой и тихо рычал. Рычание нарастало. Казалось, что подбирается какой-то невидимый враг. Лей Юнь оглянулся по сторонам, но ничего не увидел. Тогда он рассердился на собаку и крикнул ему, велел подойти, но пес по прежнему не шевелился, словно не слышал, его рычание становилось все грозней. Неожиданно китаец почувствовал, что появилось что-то неуловимое, незаметное на первый взгляд. По началу, он не понял, что именно произошло, какие переменны таил лес вокруг. Он прислушался и понял. Это была тишина. Лес и ночью наполнен всевозможными голосами ночных обитателей. Но теперь эти голоса пропали. Таинственный приказ был отдан и все ночные животные одновременно смолкли. Это насторожило и еще сильнее захотелось поскорее убраться подальше от этого места. В тот самый момент, когда он готов был взять собаку на себя и перенести через перевал,

он вдруг начал ощущать на себе чей-то взгляд из темноты. Он внимательно начал оглядывать каждое дерево, каждый куст, но ничего не видел, лишь черный мрак и тишина, вызывающая волнение и страх. Страх перед неизвестными хищниками переполнял разум, сердце начало биться сильнее, он даже почувствовал, как дыхание участилось от спазма сосудов.

Неожиданно Чан вскочил на ноги и умчался куда-то в темноту за деревья. Лей Юнь окликнул его, но услышал в ответ тишину. Ему ничего не оставалось, как взять в руки ружье и отправиться вслед за псом. Он не был трусом, но в тот момент больше всего хотелось, как можно быстрее покинуть эту сторону и перебраться через перевал. Он собрался с силами и заставил себя отправиться вслед за Чаном, не мог бросить собаку. Их дружба превозмогла в нем страх и, немного осмелев, он направился вслед. Прислушиваясь к малейшему шороху и зная, в каком направлении Чан скрылся за деревьями, охотник пробирался во мраке ночи. Пройдя добрую сотню шагов, он услышал короткое завывание. Это был Чан, которого он обнаружил припавшим к земле. Шерсть на нем поднялась, но он не рычал, а лишь слегка повизгивал, словно маленький щенок. Он опустил хвост и подбежал к хозяину.

В эту страшную ночь ничего больше не происходило. Собака вела себя как обычно и они легко переправились через перевал, и дошли до храма. Переночевав там, Лей Юнь на другой день все же решил вернуться на то место, где произошел загадочный случай. Старому охотнику хотелось увидеть и найти какие-нибудь следы, говорившие о ночном госте. На том самом месте, где вчера он увидел скулящего и ошетинившегося Чана, обнаружилось несколько следов, хорошо отпечатавшихся в снегу. Он командовал собаке взять след и уже пошли по нему, но тот внезапно оборвался, да и собака отказывалась идти по нему, словно след обрывался прямо там. Все это и по сей день остается загадкой.

– Но какой же это был след? – спросил Вильям.

– Да, в самом деле, – произнес взволнованно Эрик, – на что он был похож? Это был медведь?

– Не-е-е, не медведь, – ответил старик. Он затаился и тихо произнес. – Это быть человеческий след, голая нога. Я иметь приятель. Он быть в этот край. И видеть кости барана. На нем быть след от зубы человек. Дикий человек.

Этот рассказ так взбудоражил Вильяма и Эрика, что они еще долго не могли успокоиться и все время расспрашивали китайца о следах этого дикого человека. Когда они ложились спать, Чан по прежнему занял свое место, как сторож, у порога. А Эрик, не выдержав возникшего беспокойства, подошел к двери и проверил, хорошо ли она заперта на засов и лишь убедившись в этом, лег на циновку. Потушив свечу, они улеглись спать, погружившись во мрак ночи. Небольшой лунный лучик пробрался через небольшое окошко внутрь комнаты, играя у подоконника серебристыми огоньками. Рано утром трое путешественников и собака отправились на восток по Уданским горам, поражающим воображение первозданной растительностью обиталищу диких животных.

Месяц назад молодые джентльмены прибыли в Сянган самолетом из Лондона. Гонконг был колонией Англии, кроме того, в этом богатом и развитом индустриальном центре находилась одна из дочерних компаний отца Вильяма. Джеймс Браун занимался финансами, владел одним из крупных банков Англии, входящим в десятку лучших, чей актив свидетельствовал о процветании его бизнеса в сфере банковских кредитов и ценных бумаг.

Из Сянгана молодые джентльмены отправились самолетом в Нанкин, а оттуда, наняв опытного проводника, двинулись на Восток по китайской горной территории, иногда заходя в населенные пункты, чтобы пополнить запасы продовольствия, патронов, табаку, обновить изношенную одежду. Основную еду они добывали охотой в коем искусстве весьма преуспел их проводник Лей Юнь.

Лей имел опыт охотника и проводника нескольких десятков лет, он сносно общался на английском и потому подходил для такого путешествия. Джеймс Браун был не против такого

путешествия для своего сына, он считал, что по окончании университета Вильям должен завершить свое взросление и стать сильным, закаленным мужчиной. А этот путь по Китаю, по его многочисленным горам и непроходимым тропам подходил для воспитания его окончательной зрелости. Он был не одинок в своем путешествии, так как отправился в Китай со своим другом по университету Эриком Диксоном. Наведя справки об их проводнике, Джеймс немного успокоился и позволил Вильяму отправиться в этот поход, напомнив сыну о банковском филиале в Сангоне (Гонконг), заверив его, что он всегда сможет связаться в случае необходимости с тамошним менеджером, о чем и строжайше проинформировал менеджера филиала.

Путешествуя с запада Китая на восток, молодые джентльмены планировали пересечь ряд горных хребтов, рек и ледников, и добраться до Тибета, где они должны были повернуть к ближайшему крупному городу, нанять самолет и добраться до Сянгана, а оттуда самолетом, совершив ряд остановок и перелетов, долететь до Лондона, где Вильяма ждало назначение на службу в отцовский банк и погружение в море бизнеса, банковских купюр и финансовых исследований экономического рынка Великобритании и всего мира.

В настоящий момент путники перемещались по горному хребту Уданшань, что в ста двадцати километрах от населенного пункта Сяньфань и недалеко от Шияня – небольшого промышленного городка.

Шел 1971 год. Правительство Китая начало вести борьбу за перерождение и сотворение новой республики. По всей Поднебесной проходили митинги, всеобщее гуляние и культурная революция, которая внесла ряд изменений в жизнь китайцев, в том числе и разрушительных. Правительство посчитало, что для того, чтобы перевоплотиться в более цивилизованное государство необходимо избавиться от всего старого, ненужного, словом всего того, что может затормозить будущее. А потому было решено уничтожить все храмы и монастыри. В частности, почти все старинные архитектурные сооружения древних династий были уничтожены. Пострадали от культурной революции семидесятых годов даже самые удаленные от столицы памятники старины.

В один такой заброшенный и разбитый храм наши путники и дошли. Уже много лет по этой узкой деревянной лестнице, ведущей вдоль скалы и поднимающейся змейкой вверх, никто не ходил. Монахи и паломники перестали навещать этот храм вместе с началом культурной революции. Снесенный до руин, он печально взирал с верхушки высокой скалы, обросшей деревьями, кустарниками и вьющимися растениями, на великолепный ландшафт Уданских гор, вздымающихся, словно зеленые грибы, высоко в небо.

Поднявшись по скрипучей, вьющейся и местами разбитой лестнице с деревянными перилами по краю, путники взойшли к подножию храма, уничтоженного человеческой алчностью, сомнением и глупостью. А некогда он взирал на склоны и овраги, леса и озера, демонстрируя силу и мощь человеческого разума и духа.

При первых солнечных лучах

В храме путники встретили лишь одного монаха, который не покинул обитель по причине своей старости и немощи. Ему было трудно спуститься вниз и продолжить свой путь. От Лей Юня молодые джентльмены узнали, что этот монах прожил в храме всю жизнь. Привела его еще молодого сюда его мать, а сама осталась работать при храме. Монах за всю свою жизнь никуда не отлучался. В последние годы он работал с бумагами и книгами, но когда прибыли солдаты, то они приказали всем монахам покинуть храм и перейти жить в город. Этот монах не мог жить в другом месте. Вся его жизнь при храме словно сковала и привязала невидимыми цепями к этому храму и он наотрез отказался от этой затеи. А когда солдаты решили его силой отвести в город, пообещав легкую и безмятежную жизнь, то он пригрозил им, что выбросится со скалы вниз и его смерть будет на их совести. Солдаты хоть свято верили в лучшее будущее своей страны и в новые революционные изменения, все же побоялись погубить этого старого монаха. И они отступили от своей затеи по его переселению, так и не разрушив храм до основания. Таким образом, благодаря последнему защитнику храма, были нетронуты несколько сооружений.

Полюбовавшись красивым видом, молодые джентльмены на рассвете, при первых солнечных лучах, осветивших восточную стену скалы, двинулись дальше вдоль стен храма, на Восток.

Горы вьющимися змейками петляли, растворяясь линиями одна за другой вдали. Словно гигантские волны они вздымались и пенились белыми шапками снега на вершинах, опускались то вниз, то поднимались вверх, удаляясь в безграничную синеву бескрайних просторов горизонта.

Вечером, путники добрались до небольшого ущелья, внутри которого бурлила река, уносящая воды куда-то между скал. По словам проводника, там должен был находиться небольшой, висящий на канатах, ветхий мост. Но теперь его не было. На месте моста они обнаружили лишь несколько досок, привязанных к мощному стволу дерева.

– По-видимому, это все, что осталось после культурной революции. – произнес взволнованным голосом Эрик, – Как же нам теперь перебраться?

– Солдаты даже мост уничтожили за собой. Наверное для того, чтобы никто не мог попасть в храм, – сказал с ненавистью Вильям. – Ни веры, ни мудрости, ничего не оставили, лишь одни надежды и призрачные мечты в весьма сомнительном благополучии будущего.

– Вот этот оборванный канат и пара гнилых досок, вот и вся революция, – произнес печально Эрик, скидывая доску ногой в пропасть. Доска плавно пролетела несколько десятков метров, упала на волны речки и, скрывшись в бурных потоках, унеслась прочь, петляя между камней.

– Что же теперь, – спросил Вильям, посмотрев на Лея, который уже принялся что-то мастерить из канатов, привязанных к стволу мощного дерева.

– Я делать переход на ту сторона, – ответил китаец.

– Но ведь здесь опасно, – возразил Эрик.

– Я, кажется, понял, что Лей имеет в виду, – произнес уверенно Вильям, глядя как Лей осторожно ступил на край каменной дорожки скрывающейся под быстрыми водными потоками водопада.

– Здесь не глубоко! – крикнул Лей. Он уже обвязал себя канатом и протянул небольшую веревку к камню, сделав крепкие узлы вокруг него. Потом спустил веревку к водопаду и начал медленно пробираться на противоположную сторону.

Собака по кличке Чан сидела у самого обрыва и спокойно следила за действиями хозяина, словно знала, что произойдет дальше.

– Здесь достаточно высоко, можно запросто свернуть шею, – произнес Эрик, глядя вниз на бурлящие потоки.

– Эрик, все будет хорошо. У меня нет плохого предчувствия. Посмотри на собаку, видишь, он спокоен, словно монах, – сказал шутливо Вильям.

Лей Юнь перебрался на другой берег и закрепил там второй конец веревки. Затем он вернулся обратно, демонстрируя юношам, что ничего сложного в этом нет. Потом он переправил на руках своего четвероногого друга и вернулся обратно. Пес на другом берегу струсил с себя капли воды и, высунув алый язык, уселся у обрыва, словно улыбаясь, довольно глядел на хозяина.

Лей подошел к Эрику и, зная и чувствуя его неуверенность и уныние перед опасностью, похлопал его по плечу, придавая ему бодрости и смелости, которая ему сейчас была необходима. Он привязал Эрика и вместе с ним отправился по мокрым камням на другую сторону обрыва. Несколько раз Эрик останавливался, и каждый раз китаец хватал его рукой, успокаивал, и они оба продолжали переход. Китаец обвязал Эрика, а сам остался без страхового каната, так как канат был слишком мал, и его не хватало на двоих. Китайцу не впервой было отправляться через подобную пропасть, а вот за юношу он был в ответе, и потому помогал ему, страхуя дополнительно руками. Добравшись до конца каменистой дорожки, Эрик вступил, довольный, на противоположную сторону. Он повернулся к Вильяму, ликуя, что стоит на твердой земле, и закричал, обращаясь к своему другу:

– Это было здорово, Вильям! Ты должен попробовать это!

Китаец начал быстро развязывать канат с Эрика, чтобы вернуться за Вильямом. Но Вильям был молод и решителен, он не стал дожидаться китайца, пока тот его, как маленького щенка, перенесет на другую сторону. Он хотел показать Эрику и доказать самому себе, что он сильный и храбрый молодой человек, и перед лицом опасности не струсит, а сможет самостоятельно разрешить всякую проблему возникшую перед ним.

Вильям внимательно смотрел на китайца, за каждым его действием, когда тот в одиночку и без всякой страховки переходил через обрыв по мокрым камням. Пока китаец развязывал пояс на Эрике, Вильям успел опустить ноги в воду и стать на камни. Почувствовав, что под ним устойчивая опора, он без колебания, присущего его характеру, начал медленно приставным шагом продвигаться по камням в одиночку и без страховки.

– Вильям! Нет! Зачем? Держись Лея! – встревоженным голосом закричал на другой стороне Эрик.

Лей обернулся и тоже что-то высказал на китайском языке. Но потом, видя, что криком ему не изменить ситуацию, начал подсказывать Вильяму. В подкрепление своих слов он пошел ему навстречу. Но, увлекшись переправой, Вильям ничего этого не слышал. Шум водопада заглушал все звуки. Вильям медленно совершал шаги. На середине пути он почувствовал, что водные потоки здесь сильнее. Вода била по его ногам, пытаясь сбить вниз наглого и заносчивого человека, который решил, что он сильнее, чем она. Тяжелые удары приходились уже по колену, и только на середине Вильям почувствовал стопой, что камни пытаются сбросить его. Он опустил голову, чтобы убедиться в самообмане. Но вместо этого, в подтверждение его ощущений, он увидел под ногами зеленоватые водоросли, они словно облепили камни. Между камнями были небольшие светлые пятна, по-видимому, свободные от водорослей, и Вильям решил обхитрить воду, начав осторожно ступать лишь на белые пятна. Ему оставалось каких-нибудь два шага до протянутой руки Лея. Но вместо того, чтобы остановиться и дожидаться помощи, Вильям почувствовав храбрость, и предвкушая вкус победы над собой, решил сам пройти этот путь. Он поднял ногу, чтобы сделать еще один шаг, но неожиданно водный поток сильно ударил по его занесенной ноге. Он немного покачнулся и, чтобы не упасть, перепрыгнул с ноги на ногу, попав прямо на зеленый цвет камня. Соскользнув с камня Вильям ударился о него бедром, и не имея никакой возможности ухватиться за мокрый и скользкий камень, он

улетел вниз, и вместе с потоками воды и пены скрылся в глубине ущелья. Глубокое эхо падающего тела едва раздалось в ущелье, отражаясь от его стен.

Дикое рычание предков

Он приоткрыл глаза и долго, не шевелясь, пытался вспомнить, что с ним произошло. Вильям лежал во мраке. Противоположная сторона каменной стены, еле освещенная, не четко прояснялась зрением и сознанием. «Где я?» – задал он себе вопрос. Он попытался подняться, но его нога не подчинялась ему. Он почувствовал сильную боль в ноге и руке, а еще на спине и во многих других местах тела. Он попытался вспомнить последние эпизоды сознания, когда он еще мог чувствовать, но все попытки были тщетными. Пустота и безмолвие. Вдруг он услышал едва заметный звук. Где-то в темноте упала капля воды. Затем другая. Он начал считать капли и неожиданно для себя вспомнил чье-то лицо. Это был молодой человек, он что-то кричал и размахивал руками. Ему показалось это лицо знакомым. Затем он вспомнил имя: «Эрик». Кто он? Его память, не найдя ответа, сдалась жгучему желанию выйти на свет из этого мрака, и он сделал еще одну попытку подняться. Ценой огромных усилий, преодолевая боль, ему удалось стать на колено, одной рукой он нащупал стену и оперся об нее. Пытаясь подняться, он неожиданно почувствовал холод и сильное головокружение. За этим следовала дикая слабость по всему телу. В его глазах все поплыло, и едва уловимое отражение лучей от противоположной стены размылось. В глазах начало темнеть, голова закружилась и он упал, потеряв сознание. В таком состоянии он бредил, его одолевала лихорадка, температура поднялась до критической.

Вильяму снился сон. Его окружали деревья, которые, словно солдаты, стояли и молча глядели на него. Он шел по лесу, стараясь не смотреть на их грозный вид. Чувствуя их презрение к нему, как к чужому, он пытался пройти мимо и быть незамеченным. Но они следили. Следили за его шагом, иногда, раскинув сучья и ветки, пытались зацепить его и привязать к себе, не дать ему уйти безнаказанно за то, что он проник в их жилище и нарушил вековой покой и тишину.

Неожиданно в лесу что-то произошло. Это было заметно по изменившемуся звуку. Точнее, его отсутствию. Все умолкло в тот же миг, деревья словно замерли, как неподвижные статуи в ожидании появления чего-то более страшного и темного. Из глубины темного леса доносился протяжный шелест, словно кто-то нарочно крался позади Вильяма. Он оглянулся, но никого позади не было. Шелест усилился и перешел в тяжелые шаги с тихим сопением. А через время сопение перешло в рычание. Вильям не знал откуда ему ждать нападения и потому он решил ускорить шаг. Тяжелые шаги, отражаясь от деревьев, также увеличили темп. Он уже почувствовал злобное дыхание переходящее местами в рычание. Вильям побежал изо всех сил. «Не туда!» – прозвучал звонкий юношеский голос. Вильяму показалось, что голос был ему знаком. Он остановился, пытаясь прислушаться к бегущим тяжелым шагам, и в этот самый момент из-за кустарника выскочил большой дикий медведь. С безумно раскрытой пастью он бросился на Вильяма, пытаясь схватить его за плечо. Несколько десятков белых зубов шелкнули в воздухе в сантиметре от головы Вильяма. Ему удалось увернуться. Медведь с трудом остановил свой бег, его мускулы волной прошли по его блестящей черной шерсти.

Не дожидаясь, пока медведь развернется, чтобы нанести смертельный удар, Вильям с невероятной скоростью, которую может только развить человек, движимый инстинктом самосохранения, скрылся за деревьями. Слыша позади себя злобное рычание и тяжелый бег дикого животного, пытающегося съесть его живьем, Вильям мчался в неизвестном направлении. Деревья, словно мрачные тени, проносились мимо него. Он неожиданно зацепился за ветку и кубарем покатился вниз, расстелившись на влажной земле. Не успев подняться и опомниться, он почувствовал, что его нога за что-то зацепилась. Лес словно держал его, не пуская и готовя тем самым живой ужин для лохматого чудовища. Из последних сил он рванул ногой и улетел еще на несколько метров. Но, к счастью или к сожалению, он не почувствовал опоры. Под ним не оказалось земли. Он пытался схватиться за листья, но и они падали, описывая причудливые

хороводы в воздухе. Вильям падал вниз в обрыв, в бездонное ущелье. Неожиданно для себя, его тело почувствовало землю, он покатился кувырком по наклонной плоскости и оказался на небольшом горном плато. Метров пять в радиусе плато находилось на скале, с трех сторон окруженное высокими и густыми кустарниками, а с четвертой стороны был обрыв. Вильям подошел на край обрыва и посмотрел вниз. Как он не пытался, но его зрение не смогло определить, где же дно этого ущелья. Стены ущелья уходили в бездну покрытую серым туманом. Его слуху донесся легкий свист. Он мгновенно оглянулся. Его испуганный взгляд был прикован к листьям кустарников откуда доносился свист. Неожиданно свист затих и появился легкий ветерок, ударивший ему в затылок. Несколько листьев кустарника зашевелились. Вильям от страха перед неизвестностью перестал дышать. Страх невидимой силой сковал его разум, судорогой остановил дыхание легких, но так и не смог потушить огня в его сердце. Оно по-прежнему неустанно билось в груди, напоминая ему о том, что он еще жив. Вскоре кусты зашевелились, и в них появилась сначала волосатая огромная лапа, затем бедро и вся нога, обросшая бурой шерстью, а затем и все существо. Вильям стоял перед ним и не мог пошевелиться. Его руки и ноги не подчинялись приказам мозга, который лихорадочно пытался дать команду: «Бежать». Но бежать было некуда. Позади пропасть и смерть. Существо выпрямилось в полный рост. Оно было в два раза выше Вильяма и в четыре – шире его. Все его тело покрыто черной лохматой шерстью. Из его лица, скрываемого этой шерстью, смотрело два черных глаза прямо на Вильяма, словно это существо впервые увидело человека. Это не был медведь. По анатомическому строению оно походило на гигантское, обросшее с головы до ног человекоподобное существо. Широко раскрыв руки, оно могло обнять сразу пятерых человек. Существо развело свои длинные руки... И в этот момент Вильям услышал скрытый голос, слышимый лишь ему одному: «Кричи». И Вильям крикнул. Да так громко, что эхо, подхватившее его звук, еще долго отражалось в стенах ущелья. И вдруг существо, не смотря на его могучий вид, встало на четыре лапы и мгновенно скрылось в высоких кустарниках. У Вильяма от неожиданности, что он спасен, все поплыло от волнения перед глазами. Кустарник, скала и глубокое ущелье покрылось белой пеленой и перемешалось в одном безмолвном водовороте.

Он вновь приходит в себя, его сознание просыпается от долгой комы и бездонной пустоты, словно включились защитные свойства его организма и дали ему еще один шанс продолжить или начать человеческую жизнь.

Он видит все те же темные стены, погруженные во мрак, и слегка освещенную противоположную стену. Падение капель воды ему напоминает, что он находится в том же месте, где потерял сознание. «Сколько же я здесь пролежал?» – подумал Вильям. Сознание постепенно начало возвращаться к нему. Сквозь его мысли пролетело несколько образов каких-то людей. «Наверное, они знакомы мне?» – подумал он. Но кто они, он пока вспомнить не мог. Он лишь вспомнил чудовищный сон. Он медленно приподнял руку и почувствовал сильную, но уже не такую жгучую боль в локтевом суставе, и дотронулся до головы. Лоб был горячим. Одиночество и неясность сознания вводили его в страх. Страх перед неизвестностью. «Если мне больно, значит, я еще жив», – заключил он, и эта мысль слегка приглушила страх.

Неожиданно он почувствовал, что оказался в темноте. Но это была иллюзия. Противоположная сторона слегка осветилась и зашевелилась. Огромная падающая на нее тень, словно туча, расплылась вширь. Он услышал едва заметные шаги, и тень приобрела форму, напоминающую человека. Он неожиданно вспомнил сон о чудовище и насторожился.

«Может, оно меня не заметит?» – подумал он, и ценой больших усилий прижался к стене. Очертания тени постепенно выровнялись и приобрели отчетливую изящную фигуру. Но, как только это произошло, тень вдруг сложились пополам и расширилась.

«Мне конец», – подумал он. Его рука инстинктивно потянулась в карман шорт и нащупала там твердый предмет. Он высунул из кармана небольшой складной нож. Раскрыв нож, он

выставил его перед собой, словно обороняясь. «Я еще не мертв и смогу за себя постоять, хотя бы ранить тебя», – подумал Вильям.

Наконец, тень скользнула и быстро исчезла со стены. И в этот момент, чей-то силуэт вырос в трех шагах от Вильяма. Существо быстро перемещалось. Оно металось из стороны в сторону, словно принималось и пыталось увидеть лишь обонянием. Вильям не двигался, он выжидал, когда оно подойдет, и тогда он сможет нанести единственный удар на поражение. Тут Вильям вспомнил, что он не может таким маленьким ножом нанести смертельный удар, а лишь разозлит животное, и тогда он погиб. Страх вновь парализовал его. Рука начала дрожать, а вместе с ней и лезвие ножа.

Неожиданно существо остановилось, и что-то бросило Вильяму в ноги. Вильям инстинктивно отдернул ногу и сжался в комок, его глаза с ужасом следили за существом. Оно остановилось, еще раз принялось, затем слегка зарычало, а потом с молниеносной скоростью скрылось в лабиринте, еще раз отбросив свою тень на противоположную стену. Стена вновь слегка осветилась, и тень растаяла на ней. Вильям тяжело вздохнул и опустил руку. Затем он вспомнил о предмете, который принесло это существо. Он, осторожно используя нож, начал нащупывать его. Наконец нож уткнулся во что-то упругое и слегка мягкое для ножа. Он несколько раз провел по предмету лезвием, затем отложил его и осторожно протянул руку. Его пальцы прикоснулись к мягкой и шелковистой шерсти. Он вновь отдернул руку, боясь, что это какой-то зверек. Но зверек не подавал никаких признаков жизни. Вильям протянул обе руки и нащупал все тело. Это было тело какого-то небольшого зверя, размером с зайца или хорька. Оно было мертво. Вильям отшвырнул его от себя и попытался встать на ноги. Но сильная, хотя и притупленная уже боль, не позволяла ему это сделать. Он был голоден, и это заставило его двигаться. Он приподнялся на четвереньки и начал медленно перемещаться. Неожиданно, он почувствовал головокружение и глухую боль головы. Перед глазами все расплывалось и он, вновь потеряв сознание, рухнул на землю.

Властелин пещеры

Вильям очнулся. Он не знал, сколько дней он так пролежал на сырой земле в этом мраке, и он решил собрать последние силы, во чтобы то ни стало выйти из тьмы, добраться до света. На его удивление боль в ноге и руке немного утихла, а если быть точным, то она перестала быть острой, но все же напоминала о себе весьма ощутимо при первых же движениях. Вильяму удалось наконец подняться на ноги, правда, не без помощи темной стены. Он сделал первый шаг, и тут же его нога столкнулась с каким-то предметом, лежащим на земле. Он присел и протянул руку. С ужасом отдернул ее назад, когда нащупал мягкую шелковистую шерсть очередного трупа животного, по-видимому, принесенного тем существом, которое его посещало. Он продолжил путь к противоположной стене и обнаружил еще несколько таких трупов маленьких животных. Некоторые из них уже издавали трупный запах. Он добрался до светлого пятна и был ужасно рад за себя, что ему это удалось. Ведь, за время перемещения, его голова не кружилась, зрение не расплывалось, а сознание не отказывало ему. Здесь, стоя у светлой стены, он прищурился, глядя на свет, падающий откуда-то издалека на него. Его глаза отвыкли от белого света из-за долгого пребывания в темноте. Только здесь, стоя на пороге льющегося света, он понял, что все это время находился в просторной пещере. К нему постепенно приходили отдельные воспоминания из прошлого. Он вспомнил своего друга Эрика, вспомнил китайца, только не мог вспомнить, его имени. Он вспомнил их путешествие по Китаю, их спор в Лондоне, своего отца и мать. И тут он вспомнил сон и то существо, которое, по-видимому, обитало здесь, в этой темной пещере. Ведь всех этих мелких животных, чьи трупы он обнаружил рядом с собой, могло принести только это существо. «Наверное, оно здесь в темной части пещеры откладывало пищу, что-то вроде холодильника», – подумал Вильям. «И его самого оно тоже притащило сюда». Он начал задумываться и вдруг его осенила мысль: «Что же тогда произошло с его другом? Ведь не мог же он бросить его в беде. Возможно, Эрика уже нет на свете, и следующая очередь будет за ним». Он потянулся к карману шортов, но там он ничего не обнаружил. «Скорей всего, нож остался там, в темноте», – подумал Вильям. В противоположном кармане он обнаружил какой-то небольшой и плоский предмет. Это была зажигалка. Увидев ее, он поднялся духом. Он вспомнил, что его противник – дикий зверь, а все животные боятся огня. «Только бы работала. Только бы работала», – повторял он, пытаясь, дрожащими от волнения руками, нажать кнопку, чтобы появился огонь. Зажигалка несколько раз щелкнула, но ни искры, ни огня она не издала. На шестой раз резкого нажатия на кнопку, к его погасшему удивлению, в зажигалке что-то блеснуло, появился горелый запах бензина и наконец, появилось едва заметное пламя. Вильям едва дышал, боясь затушить этот луч надежды. Он немного подкрутил сбоку крохотное колесико, и пламя поднялось на сантиметр выше. «Работает!» – с гордостью и надеждой в душе подумал Вильям. Теперь он мог видеть стены и ближайшие метры пещеры. Он сделал шаг и ошеломился. У одной из стен пещеры на земле лежала куча белых костей. Он осторожно обошел их мимо, словно боялся, что некая сила проснется и оживит их. Но кости мирно лежали не шелохнувшись. Вильям проследовал дальше в направлении света льющегося откуда-то издали. Он полагал, что там находится выход из этой пещеры. Как все предметы неподвижны и под действием силы земли тянутся вниз, так и люди – подвижны, принадлежат к миру живых и тянутся к свету. Вот и Вильям шел к свету в надежде, что найдет там не только выход из этого мрака, но и свободу, и право на жизнь. Вильям шел медленно, не потому что он остерегался нападения, а потому, что его нога довольно таки сильно ныла, а местами глухо болела. При каждом шаге он тянул ногу за собой, а затем с болью ступал на нее и вновь тянул ее, придерживаясь за стену. Пламя бросало причудливые тени от его тела, которые мрачно тянулись и ползли по стенам пещеры. Неожиданно он остановился и увидел какие-то мелкие предметы, лежащие у стены. Он решил не останавливаться, чтобы не тратить

время, которого у него могло не быть для спасения. Он с каждым шагом сокращал расстояние к выходу и свободе.

Вдруг пламя осветило небольшой участок противоположной стены, на которой он увидел какие-то рисунки. Это озадачило его. В его голове мелькнула дикая идея. «Существо, которое рисует. Что же оно собой представляет?» – подумал Вильям. Он даже невольно приостановил свой шаг. Он ведь полагал, что хозяин пещеры не человек, он какой-нибудь хищник. Но этот хищник умел рисовать. Он подошел ближе к рисунку и увидел множество отдельных изображений различных существ, обитаемых в дикой природе. Здесь были птицы, рыбы, какие-то парнокопытные, несколько хищников, похожих на тигра, и множество обезьян. Над всем этим зверинцем художник изобразил солнце в виде черного пятна. Все изображения были нанесены какой-то грязью, но достаточно крепко и устойчиво держались. Вильям провел пальцем по одному из рисунков и поднес его к носу, приняхавшись. «Это не уголь, и не мел» – подумал Вильям. Запах скорее напоминал гниющие водоросли. Для него по-прежнему было загадкой, каков этот человек, и человек ли это? Размышляя об этом, он не обратил внимания, что свет, падающий от входа, погас. Он стоял и смотрел на пламя. Потом еще раз на рисунки и размышлял. Его мысли остановились сами собой в тот момент, когда он почувствовал краешком уха позади себя чье-то дыхание.

Вильям вдруг вспомнил о зажигалке. О спасительном огне, который различает человека от животного. Одному дает власть и могущество, другому – гибель и страх. Одного поднимает на ступень развития выше, а другого опускает и преграждает ему дорогу к развитию, оставляя внизу, без права подняться. Может, и наоборот, – сообразительных и умных, алчных и стремящихся оказаться наверху к абсолютной победе над другими – огонь губит, отправляя их души заведомо в ад; а мудрых и движущихся синхронно с природой – задерживает их пребывание на вершине великого бесконечного предела, самого ценного – гармонической жизни.

Он быстро развернулся, но из-за ноги, которая подвела его в критический момент, он не удержался и, потеряв равновесие, упал на землю. Так, в невыгодной для себя позиции, он оказался перед хозяином пещеры. Его рука по-прежнему крепко сжимала зажигалку перед собой. Существо, увидев огонь, мгновенно отпрыгнуло от него назад и зарычало.

Наконец, Вильям увидел того, кто обитал в этой пещере и являлся автором всех тех настенных рисунков. В удивлении от увиденного он даже приоткрыл рот, его рука перестала дрожать, и пламя спокойно освещало тело незнакомца.

Перед ним во всей красе стояло тело молодой девушки. От удивления он даже слегка протянул руку вперед, пытаясь рассмотреть незнакомку. Он никак не ожидал такого поворота событий. Более красивого существа породы людей он еще никогда не видел – изящное лицо и идеально сложенное тело было украшено дивными и блестящими рыжими волосами до плечей. Он разглядел лицо незнакомки и был поражен. Ее красота была неопишима. И, хотя ее глаза говорили о принадлежности к азиатскому народу, все же, что-то было отличное, неуловимое в них. Он это понял, когда приблизил луч пламени. Ее глаза блеснули светло-зеленым светом. Он знал, что китайки, равно как и все азиаты, имеют темные глаза. Но совершенно очевидно, что на него смотрела зеленоглазая красавица. На вид он ей дал бы не больше пятнадцати лет. Ее природно зеленые глаза хранили едва уловимое волнение и отражали луч света. Она находилась на четвереньках и настороженно приняхивалась к своему посетителю.

Вильям приподнял руку со светом, и в этот момент незнакомка отошла еще на один шаг, взволнованно поглядывая то на луч света, то на Вильяма. Он опустил руку, и она в ответ сделала шаг вперед, как бы реагируя на его движения. Тогда он решил заговорить с ней.

– Кто ты? Как тебя зовут?

Вильям спросил ее по китайски. Это был почти весь словарный запас, которым он владел. Видя, что она никак не реагирует, он перешел на английскую речь, родную для него.

– Кто ты? – повторил он свой вопрос. Но и на этот раз в ответ он получил лишь молчание. Он подумал, что, быть может, она не умеет разговаривать и потому его не понимает. Он немного успокоился, его страх перед незнакомкой куда-то исчез, и он решил спокойно пообщаться с ней. Но для этого он должен быть с ней в одинаковых условиях. Он видел, что ее взгляд был прикован к лучу света в его зажигалке и по этой причине Вильям решил обезоружить себя. Он потушил преграду, которая разделяла двух людей. Опустив руку, он спрятал зажигалку в карман и приготовился к беседе. Он привстал, опираясь на стену, так как нога его постоянно ныла, и сделал шаг на встречу незнакомке. Но, не успев проговорить слова, он мгновенно был отброшен к стене и оказался на сырой земле. Незнакомка поставила на его грудь свою руку, придавливая его к земле. Она пригнулась к его одежде, словно искала какой-то предмет. Вильям почувствовал и испытал на себе ее быстрый удар, силу и скорость, с которой она перемещалась. Ловкость и проворство, одновременно грациозность, не могли остаться им незамеченными. Это было фантастически невероятно. Он никогда в своей жизни не видел человека, который бы мог с грацией пантеры и силой удара тигра, так владеть своим удивлением изящным, и вместе с тем, красивым телом.

* * *

Мои раны уже заживали, и я мог довольно сносно перемещаться, хотя хромота еще осталась. В некоторые моменты моя нога еще давала о себе знать. Я постепенно привыкал к дикарке и ее способу обитания. Я подолгу пытался научить ее общению, хоть каким-нибудь словам, но все было тщетным. Она в ответ лишь издавала звуки. Чтобы как-то ее называть, я дал ей имя – Роза.

– Твое имя – Роза, – произнес я.

Я увидел, в ответ на это, ее поднятую руку в моем направлении.

– Нет, нет. Это не я – Роза, а ты. Мое имя – Вильям, – произнес я в надежде, что она поймет.

Я опустил руку, она тоже. Я заметил, что ее взгляд был прикован к моей руке, и тут я понял, что она повторяет мои действия. Тогда я вновь поднял руку, и она подняла свою. Я отвел руку в сторону, и она быстро отвела руку. Мы забавлялись этой новой игрой: «повторяй за мной». Наконец, я встал и подошел к стене с рисунками, она также последовала за мной.

– Это твои рисунки? – спросил я, указывая на стену.

Она тоже указала своей рукой. Я понял, что эта игра может быть бесконечной, и Роза готова играть со мной в нее. Тут меня осенила идея. Я присел на колени и начал проводить линию пальцем по земле, рисуя силуэт. Она тоже повторила за мной. Поначалу она лишь повторяла за мной, а затем, я начал выводить на земле буквы и произносить вслух. Роза тоже их пыталась проговаривать, но у нее ничего не получалось, лишь мычание и шипение. Я подзадоривал ее, чтобы она не утратила интерес.

Я понял, что могу подружиться с дикаркой и выйти на свободу. Но, как только я подходил ближе к выходу из пещеры, она преграждала мне путь, и в ее голосе я чувствовал нотку угрозы. Я оставил эту затею, но я не мог обходиться без еды. Мои раны были уже не такими смертельными, как мне казалось раньше, но без пищи и воды я долго не протянул бы. Я начал Розе показывать на живот, что голоден и хочу есть и пить. К моему удивлению она сразу поняла меня и молниеносно куда-то убежала в темноту пещеры. Через мгновение она вернулась, а в ее зубах я увидел какого-то висящего зверька. Она подбежала ко мне на четвереньках, наверное, ей так было удобно перемещаться, и бросила тело зверька к моим ногам. Она уставилась с нетерпением на меня.

– О да, да. Я понимаю, – произнес я. – Но, ты понимаешь, я не могу это есть.

И тут я вспомнил, что когда я лежал в темном месте пещеры, она подходила ко мне и что-то бросала возле меня. «Вероятно, это были тела мелких животных, добытых ею на охоте, которые были предназначены для меня. Она кормила меня еще тогда, когда я был слаб, и лежал без сознания. Это была забота обо мне с ее стороны». Сделав такое заключение, я опустился на колени, чтобы поднять зверька, и попытаться объяснить ей, что не могу есть сырое мясо. Я поднял зверька и начал ей жестами, как мог, объяснять, что не ем это. Затем я пояснил, что нужно сделать с мясом перед тем, как употребить его. Я не знаю, поняла ли она пляску моих рук, но я увидел, что ее нежные губы стали понемногу расплываться в улыбке. Это была ее первая улыбка. Улыбаясь, она стала вдруг вдвое красивее, ее лицо пылало нежностью и женственностью. Глаза сверкали в отражении солнечных лучей, осторожно заглядывающих в пещеру, словно два зеленых рубина, украшающих и без того красивое лицо, окутанное красной вуалью ее шелковистых волос. Ее слегка пышные губы не требовали каких-то дополнительных обработок различными помадами, как это делали многие женщины в Европе. Они имели природный нежный розоватый оттенок пылающей девственной любви.

И вдруг, эти зеленые рубины сверкнули и забегали, а ее губы слегка сжались, носик сморщился, словно она вспомнила о чем-то важном. Она засуетилась, начала издавать какие-то звуки понятные только ей, и, через мгновение, она покинула пещеру.

Я оставил зверька лежать на земле, и медленно ковыляя от боли в бедре, направился вслед за ней к выходу из пещеры. У выхода, множество лучей со всех сторон ударили разом по моим ослабшим глазам. Я инстинктивно зажмурился. Постепенно я привык к свету. Передо мной раскрылась картина, которой я никогда не видел.

Этот край, воистину, сказочный и неопиcуемый. Ни фотография, ни картина, никогда не смогут передать все краски и дивные запахи горных лесов этого края. Вдали виднелись в синеве отдаленные вершины гор, они рядами заполняли пространство, а между ними располагались небольшие озера и реки, отражая на поверхности ослепительные солнечные лучи. Помимо гор были ущелья, овраги, скалы и небольшие равнины расположенные как в низовье, так и на самих горах, усеянные бесконечным числом самых разнообразных деревьев, очищающих воздух, наполняющих его благоуханным запахом цветущих растений, которые своей нежностью украшают здешний оазис и наполняют его вечной жизнью блаженства.

Мои наблюдения и колдовские чары, которые так легко воздействовали на меня, были прерваны появлением девушки. Только теперь при солнечном свете, я заметил ее неотразимую красоту, подчеркивающую великолепие цветущих трав и неповторимую голубизну неба. Меня еще раз удивили и тронули ее легкие движения, словно птица она поднималась по камням склона. Мне на мгновение показалось, что ее ступни не касаются земли.

Не прошло и десяти секунд, как она, преодолев тридцать шагов, оказалась рядом со мной. Но теперь она не втокнула меня обратно в пещеру и не перегородила выход. На ее лице было написано сожаление. Я прочитал в ее глазах, что она просит у меня прощения. Ее руки протянули мне небольшой деревянный предмет, напоминающий какой-то сосуд, по-видимому, это было когда-то шишкой какого-то растения. Из него были выбраны семена, а края залеплены каким-то природным клеем. Я буквально вырвал этот предмет из ее рук и с жадностью, в одно мгновение, опустошил этот “бокал”, наполненный чистой родниковой водой.

Когда я опустил этот сосуд, то увидел на ее лице улыбку. Мне было стыдно перед ней за мой поступок.

– Спасибо, – сказал я с нежностью. – Большое спасибо. – ее глаза посмотрели на меня заботливо.

Утолив жажду, я почувствовал себя лучше. Когда я пил, то чувствовал, как тысяча невидимых маленьких полезных веществ живой влаги леса наполняют мое тело и поднимают его силу и былую жизнерадостность. Но одной воды было недостаточно, и я вспомнил о зажимке.

Поначалу Роза боялась ее, словно зверь впервые сталкивается с молнией, громом и невиданными могучими силами природы. В выражении ее лица я прочел глубокое уважение к этому маленькому предмету. Она боялась к нему подойти и всякий раз, при обнаружении зажигалки, отбегала в сторону или отходила назад. Ей было трудно объяснить, каким образом огонь попал в этот крошечный предмет. Огня она тоже боялась и не подходила к костру, когда я готовил себе “жаркое” из мяса зверьков, принесенных ею. Мясо и вода помогли моему организму справиться со слабостью, которая преследовала меня последнее время. Я все еще прихрамывал, но уже мог передвигаться по камням вблизи пещеры, расположенной на вершине одного из горных хребтов.

Могущественные силы природы

Я не мог уходить далеко от пещеры из-за больной ноги, которая все время давала о себе знать. В памяти стали возвращаться многие эпизоды моего путешествия. Я даже вспомнил о собаке-волке, но никак не мог вспомнить его кличку. Эти китайские имена так легко и коротко произносятся, но их так трудно запомнить, потому что многие похожи друг на друга, и произносятся с разными интонациями. «То ли Чен, то ли Чян?» – пытался я вспомнить.

Эти подробности помогли мне вернуть память прошлых событий, а пока, из-за отсутствия возможности перемещаться, мне оставалось пребывать в пещере рядом с этой прекрасной дикаркой. «Наверное, это большая редкость? Она напоминает рассказы о Маугли и Тарзане, которые я читал в детстве», – думал я, сидя у костра и готовя пищу, которую заботливо приносила мне Роза. Иногда мясо подгорало и мне приходилось есть горелые куски, а иногда пища, приготовленная мной, была не хуже той, что готовят в ресторанах. Во всяком случае, мне тогда так казалось. Ведь, когда голоден и вкушаешь пищу собственного приготовления, к тому же, таким дикарским способом, да еще и находясь на лоне дивной природы, в окружении приятных лесных и горных запахов, то пища может показаться значительно вкусней и полезней.

Но, не смотря на это, Роза отказалась есть приготовленную пищу. И не потому, что она готовилась на огне, которого она боялась, а потому, что ее организм привык к перевариванию сырого мяса. Несмотря на мои скудные познания в физиологии и кулинарии, я все же помнил смысл нескольких статей, когда-то прочитанных мной, по приготовлению и употреблению здоровой пищи. Так я вспомнил, что чем дольше готовить еду на огне, или варить в воде, тем больше она теряет своих питательных качеств. Я вспомнил, что собака моей тети любила есть сырое мясо. Когда ей давали несколько кусочков, то буквально проглотив их в одно мгновение, она с нетерпением помахивая хвостиком, ожидала появления в руках хозяйки добавки. Даже у домашних животных остались инстинкты дикого мира.

Роза не могла есть приготовленную мной пищу, но с удовольствием ела сырое мясо, раздирая его зубами и руками, я же не мог принимать сырое мясо.

Как-то я обнаружил вблизи пещеры несколько цветов и собрал из них небольшой букет, который, по возвращении Розы, тут же ей вручил. Она обнюхала их, прежде чем взять из моих рук этот скромный подарок, потом выбрала небольшой цветочек из букета и ушла в пещеру. Через несколько минут вновь появилась с цветочком, который украшал ее чудесные рыжеватые волосы, которые всегда мне напоминали цвет солнечного лучика. Я иногда так и называл ее: «Солнечный лучик». Это прозвище возникло потому, что ее красота и девственная юность напоминали мне первые утренние лучи солнца, а ее зеленоватые глаза напоминали вечно молодой и цветущий лес. Ее необычная сказочная красота – рыжие волосы, зеленые глаза, – наталкивали меня на мысль, что в ее роду было кровосмешение азиатской и европейской расы. Ведь у азиатов основным цветом является черный. Она была удивительным созданием, не менее таинственным, чем Азия и ее тайны для европейцев, привыкших к спокойной и уравновешенной жизни в квартирах с уютом, где все было готово к использованию. Что необходимо – можно было приобрести в супермаркетах. Здесь такими магазинами были леса, горы, озера и реки, с той разницей, что еду здесь не обменивают на деньги, а добывают самостоятельно.

Здесь мне очень нравилось. Иногда мне даже казалось, что я находился здесь всю жизнь и, что я не смогу теперь жить без всего этого, и без нее. Я привязывался к ней, хоть и вела она себя как дикий зверь. Собрав длинные листья, и соединив их тонкой нитью какого-то вьющегося растения, я изготовил еще один подарок для Розы и преподнес ей. Но, чтобы она его не разорвала и правильно использовала, я решил продемонстрировать этот наряд на себе. Я обвел листья нитью растения вокруг талии, получилось что-то вроде юбки, которые иногда надевают на себя парижанки-модели, демонстрируя экстравагантную моду. Носить такое в Париже,

конечно, никто не станет, да и я не претендую на роль дамского модельера, но в этих китайских диких джунглях среди горных великанов и молчаливых многовековых деревьев, в самый раз. Как человек, привыкший жить в цивилизованном мире, я принес в этот дикий мир и цивилизованные законы, и обычаи моего мира.

Я передал ей мое творение и помог одеть, обвязывая его вокруг ее удивительно красивой талии. Она приняла это как мой подарок и носила его не снимая. Я же стал чувствовать себя лучше. Во всяком случае, меня не грызла совесть за то, что я одел ее. Со временем я подарил ей ожерелье из каких-то мелких ягод размером с горох. Она носила его на шее. Все эти подарки ей очень нравились. Так я, незаметно для себя, одаривая ее, чем мог, привязывался к ней и привык ее присутствию. Хотя мы и объяснялись в основном жестами – универсальным языком, все же я не забывал давать ей уроки грамматики. Хотя, это было скорее игрой для меня. Она использовала лишь свой язык – язык природы.

Пещера располагалась в таком месте, что ее не было видно снизу. Стоило мне несколько раз, не без помощи Розы, спуститься на тридцать шагов вниз горы, как я не видел входа в пещеру. Несколько отлогих выступов в скалистых гранях горы закрывали вид. Кроме того, из-за многочисленных кустарников и каких-то вьющихся растений не было видно даже каменистой тропы, поднимающейся вверх. Внизу под пещерой, на восточном стороне горы, находился небольшой водопад. Потоки воды падали и собирались в небольшой, метров восемь в диаметре, природный бассейн. Из него вода в два маленьких ручейка уходила вниз, спускаясь вдоль восточной стороны горы и сползала в небольшую межгорную равнину.

Вода в этом живописном бассейне была на редкость чистая и настолько прозрачная, насколько может быть чистым и прозрачным воздух в летние сухие дни. На дне виднелись камушки и небольшие водяные растения. Поверхность этого природного водоема отражала синеву неба, и вода казалась голубоватого оттенка. Глубина была небольшая, около метра, на середине этого пруда. Вода, стекая по камням, падала в пруд, вздымая небольшую пену, которая тут же растворялась голубыми и зеленоватыми красками, придавая очарование этому уютному оазису. Кругом располагались горы, покрытые зелеными одеялами леса и белыми шапками снега. Иногда, среди гор выступали коричневатые равнины и плоскогорья, усеянные сплошь какими-то мелкими растениями и травой. Местами нежно белый туман ложился на верхушки деревьев и опускался вниз, укутывая своим бархатистым одеялом стройные деревья, окрашивая их в белизну и украшая наряд гор зеленоватыми шубами, пушистыми муфтами и воротниками. Все это было пронизано небольшими речками и родниками, сообщающимися между собой, словно переплетающиеся щупальца некоего могущественного существа. Речки наполняют озера, расположенные в низине, меж горными хребтами, а озера своими бело-голубыми и зелеными оттенками радуют глаз, добавляя несколько дополнительных красок в этот дивный пейзаж.

По мере того, как я разобрался с питанием, для меня не менее важным вопросом, стала адаптация моего организма к здешней температуре. Дело в том, что организм человека, привыкшего вести цивилизованный образ жизни, не мог смириться с жизнью дикаря. Избавившись чудесным и неожиданным для меня образом от травм, хотя хромота еще не прошла, я отдаю дань мудрости природы и случаю, подарившему мне жизнь. Пребывая в тяжелом для меня физическом состоянии, я почувствовал, что организм оказался сильнее моего утомленного духа, вечно ищущего выход из сложившихся обстоятельств, которые меня решили про-верить, забросив в далекие места природы, где человек становится сильнее, лишь находясь наедине с природными условиями.

У людей, ведущих привычный городской или сельский образ жизни, и находящихся среди людей и проблем общества, нет времени посмотреть внутрь себя для того, чтобы понять свою внутреннюю природу. Мы стремимся к материальным вещам, которые нас целиком увле-

кают и поглощают, опутав своими яркими и обманными чарами, закрывая и ставя стену перед нами, огораживая нас от истинных ценностей, которыми полна и богата дикая природа.

Мы привыкли к тому, что наш враг – видимый и он впереди нас. Мы или движемся на расстоянии, или смело идем в бой, забывая о том, что истинный враг невидим, он намного могущественней, и он находится не впереди, а внутри нас. Если мы используем оружие: наше сердце и сознание, подаренное нам природой для встречи с этим невидимым врагом, сумеем направить против него, то мы сможем преодолеть внутреннего врага и победить его, чтобы выжить. Таковыми внутренними врагами являются все известные нам пороки, и главные из них – это трусость и тщеславие или гордыня, толкающие нас поначалу на преступление, а в конечном итоге оставляющие нас в пропасти мрака и пороков, и опрокидывающие нас в ее бездонный ад. Сердце поможет преодолеть любые трудности и зажечь внутри нас огонь вечной борьбы за выживание, а разум наполнит тело сознанием мудрых поступков, и не даст телу подвергнуть себя травме.

Пребывая здесь, в диком мире, я постепенно вливался в гармоничный ритм дикой природы, и лишь постигнув ее законы, я мог выжить.

По моим расчетам, которые я вел с момента моего сознательного пребывания здесь, должна была наступить весна. Небольшие дожди прошедшие в этих районах, подтвердили мои предположения. Зима, а вместе с ней и снег, отступали, лишь местами задерживаясь или прячась на вершинах гор. Дожди сменялись туманами, покрывающими белой вуалью растительный мир здешней природы.

С первых дней я хотел поскорее оказаться в безопасности и покинуть эти горы, но судьба диктовала мне свои законы, уготованные ею для меня. Поначалу, я не мог ходить, и это задерживало меня здесь. Добывать пищу я также не мог, так как не был приспособлен к охоте на диких зверей. Если бы не моя встреча с этой девушкой, пребывающей, быть может, с детства в дикой жизни среди зверей и беспощадных погодных условий, я бы не выжил. Это она спасла мне жизнь и сейчас ведет активную заботу о моем здоровье, добывая для меня еду. Ведь эта дикарка смогла выжить в этих условиях, она не общалась с людьми, она не видела предметов, сделанных руками человека, не умеет говорить, общается на языке животных, понятном лишь ей, а посему и я смогу продержаться здесь пока не заживет моя нога, и я смогу свободно перемещаться по горам, преодолевая не один десяток километров, чтобы добраться до цивилизации и вернуться к людям.

Я старался учиться у нее выживанию, и хотя добывать мясо я еще не мог, но не бояться холода я постепенно научился. Поначалу мое тело дрожало, я делал по возможности растирания, и укутывал себя какими-то листьями, что росли рядом с пещерой. Затем я использовал огонь внутри пещеры для повышения температуры, но вскоре пришлось отказаться от этого, так как Роза не хотела входить внутрь пещеры. Она боялась огня. Кроме того, огонь нужен был мне для приготовления пищи, а керосин внутри зажигалки весьма быстро улетучивался. Поэтому, я решил его использовать лишь для приготовления пищи, чтобы поправить свое здоровье. Перейти на употребление сырого мяса я еще не мог, из-за своего внутреннего сопротивления. Я изучил расписание Розы, оно было подобно расписанию живого существа находящегося в природных условиях. Ночь для нее была короткой, она рано, еще до восхода солнца, куда-то уходила, и возвращалась вечером, потом опять уходила и приходила поздно ночью, принося мне сырое мясо. Когда я находился между жизнью и смертью, я видел ее чаще. Она приносила мне воду и еду, в основном тела убитых ею мелких животных, которые я не мог есть. Лишь иногда, преодолевая брезгливость, отрывал кусочки сырой и еще теплой плоти. Как правило, из-за того, что мой организм не выдерживал такой еды, мой желудок вырывал ее обратно вместе с листьями, которые находились в пещере, и которые я также решил попробовать, чтобы утолить смертельный голод. Теперь я хоть и прихрамывал, но уже без сильных

болей, и хотя чувство голода меня никогда не покидало, я нашел способ выжить в эти тяжелые для меня дни.

Жидкость внутри зажигалки закончилась, и я перешел на питание, менее калорийное. Мне попадались какие-то весьма вкусные ягоды, растущие вблизи пещеры. Я недалеко отлучался от пещеры, которая мне служила единственным пристанищем в этом грозном и чужом для меня мире. Я все еще не мог привыкнуть к его законам и правилам. Но для того, чтобы выжить в этой дикой природе, я должен был смириться с моей участью – усвоить эти правила, и следовать этим железным законам. Не смотря на то, что Роза и я принадлежали к разным мирам: она – к дикому миру природы и зверей, я – к готовой роскоши, сделанной людским сообществом, – нас объединяли человеческие гены и тонкая невидимая вуаль человеческого бытия и духа, присущая лишь людскому роду. Таковыми мы родились и с этим мы ничего не можем сделать. Я полагал, если она смогла выжить в этом диком мире зверей, то я тоже смогу это сделать и преодолеть все трудности адаптационного периода.

Я решил помочь Розе и, без ее участия, самостоятельно добыть и съесть первый кусок сырого мяса. Я бродил недалеко от пещеры и немного отдалился от нее. В этом месте я обнаружил несколько нор каких-то мелких грызунов. Я поставил целью поймать одного из них. Я не знал, насколько коварен и безжалостен этот мир дикой природы. Тот, кто не знает ее законов – погибает. Удалившись от пещеры, я оказался на территории, где властвуют иные законы.

Подкравшись к норе, я начал прислушиваться к движениям, которые могли исходить изнутри. Возможно, мои уши не такие чуткие, как у хищников, и эти мои попытки ничем не закончились. Зато я определил по следам на земле, что нора новая и какое-то существо все же вырыло недавно это жилище. Рядом находилось еще несколько нор, у их входа земля была также раскопана недавно. Первым делом, я подумал о способе ловли. Собственно говоря, у меня их было всего два.

Первый способ: поймать зверька руками, а затем оглушить его, второй – сразу оглушить, используя камень или палку. Я вспомнил, что этот зверек может кусаться, так как он не захочет отдать свою жизнь без боя. И поэтому я выбрал второй способ охоты. Поблизости я подыскал камень с величиной в два кулака и уселся напротив одной из нор в ожидании добычи. Так я просидел несколько часов, пока у меня не начали затекать ноги, и я решил размять их. Я привстал и выполнил несколько упражнений, помогающих разогнать кровь в ногах. В этот момент я невольно почувствовал какое-то движение у норы и взглянул. Небольшая остроколючая серо-каштановая мордочка появилась из норы. Я не отдавал отчета своим действиям, то ли из-за того, что долго ждал, то ли во мне проснулись дикие инстинкты охотника, я сразу же метнул камень в направлении норы. Конечно, я совершил глупость, так как зверька я бы не убил, ведь он не вышел из норы. Камень пролетел несколько метров и ударился о землю рядом с норой, чем до смерти напугал зверька. Тот издал не то восторженный, не то пугающий визг: «Хрии-у», и исчез в норе.

Не дожидаясь, я подскочил к норе и долго всматривался в ее, казалось бездонную черную мглу. Мне показалось, что и эта мгла начала всматриваться в меня. Больше никаких звуков я не слышал. Тогда я разозлился и вырвал какую-то ветку из ближайшего куста. Очистив ее от листьев, я попытался всунуть палку в эту нору. Не знаю зачем, но этим способом я ничего не добился, палка уходила куда-то вглубь норы. Я со злостью засунул палку внутрь и закрыл этот вход в нору. Я знал, что зверьки роют норы с сообщающимися ходами, так что весь этот лабиринт имел несколько входов и выходов наружу. Поэтому я закрыл входы камнями оставив лишь один, и уселся напротив него в ожидании появления хозяина норы. Так просидел я тихо несколько десятков минут, пока не услышал какой-то шорох внутри норы. Я замер в ожидании: звуки то появлялись, то пропадали, медленно текли минуты, начали течь со скоростью улитки секунды, как я неожиданно для себя обнаружил, что наступила необычная тишина. Такая тишина бывает перед сильной бурей или перед началом каких-то ожидаемых перемен.

Тишина стала просто невыносимой и кошмарной, она словно бурила мой слух, вонзаясь своими невидимыми цепкими когтями мне в мозг. И вдруг я понял, что сейчас не я нахожусь в роли охотника: я нарушил или пренебрег каким-то законом природы и сейчас объекты и их функции поменялись. Я оказался в иной роли – теперь не я слежу и охочусь, а за мной следят и на меня ведут охоту. Я оторвал свой взгляд от норы и лихорадочно стал оглядываться по сторонам. С правой стороны я услышал едва заметный чей-то шаг, и не выдержав такого психологического напряжения, метнулся в сторону, подальше от норы. Не успев пробежать и трех шагов, почувствовал, как моя нога зацепилась за какие-то ветки или камни, и я упал. Позади себя я услышал тяжелые, но мягкие прыжки, словно сто килограммов упало вниз, приземлившись на мягкую подушку. Я тут же оглянулся, испуганно ища предмет моих страхов, и увидел то, что может поджидать каждого охотника во время его неосторожных походов в дикую природу. Ко мне приближалась какая-то огромная кошка. От страха я сначала подумал о тигре, но что-то в ее окраске было не похожим на этого хищника. Зверь был величиной с пуму, с белыми полосками. Он быстро и свирепо приближался ко мне. Один миг, как это бывает перед смертельной опасностью, и в моей памяти промчались все запоминающиеся и важные эпизоды жизни. Я хотел привстать на ноги, но успел лишь подняться на колено, чтобы грудью встретить врага. Находясь перед лицом опасности, я все же не струсил в последний момент, и даже поднял руки для защиты головы. Сквозь поднятые руки я заметил, что хищник, издав какой-то тяжелый вздох, оттолкнулся от большого камня, стоящего у него на пути, и взвился в воздух, чтобы напасть на меня сверху. Я уже видел, как его огромные и бритвенно-острые когти растопыриваются в полете. В этот момент, словно мгновенная тень огромной птицы пролетела надо мной и накрыла сверху хищника, хотевшего меня убить.

Дальнейшие события были настолько быстры, насколько только способен человеческий глаз усмотреть молниеносные движения. Хищная кошка, которую я потом определил, как снежного барса, прыгнула на меня, чтобы нанести смертельный удар, но она не заметила, что и за ней ведется тайное и неуловимое наблюдение. Моя героиня, которая уже несколько раз спасала мне жизнь, находилась за моей спиной и охраняла меня. В полете барса, приближающегося ко мне сверху, я увидел, как тень накрыла его тело. Этой тенью и была Роза. Она в прыжке сбила хищника и повалила его на землю. Барс перевернулся несколько раз в воздухе, но как это бывает с кошачьими, ему все же удалось приземлиться на лапы, хотя, не удержавшись, он все же сделал несколько кувырков по земле и отлетел на дробных пять метров, издав при этом, какой-то приглушенный вой. Быстро встав на лапы, он вонзил когти в землю, вероятно, от неожиданности нападения, а быть может, от страха, заставшего его врасплох. Потеряв на мгновение нападающего, он неуверенно сделал несколько шагов в моем направлении и дико зарычал, демонстрируя свою силу и запугивая неожиданно появившегося противника.

Больше всего в этой схватке меня поразили действия Розы. Я никогда еще не видел, чтобы хоть один человек, живущий среди людей, мог так быстро передвигаться, как она. Ее движения были с одной стороны грациозны и быстры, с другой – они были ловкими и сильными. Я и не подозревал, что в такой, на первый взгляд красивой и хрупкой девушке, могли таиться такие могущественные силы.

По-видимому, эти необыкновенные силы могут проявляться лишь в дикой природе, наедине с ней, и пробудиться в минуты опасности. Я также понял, что в ее быстрых движениях проявляющих наивысшую человеческую скорость присутствует и сила. В этом я убедился, когда увидел финал этого поединка. Быстро придя в себя, барс, обнаружив своего врага, повернулся к нему и замер для анализа нового объекта. Тем временем, Роза легко, словно скользила по льду на невидимых и бесшумных коньках, приблизилась к противнику на расстоянии двух шагов или одного прыжка. Барс замер и понемногу начал поджимать под себя задние лапы, собираясь к прыжку. Роза немного приблизилась и чуть присела, готовясь к какой-то новой защите или атаке. Так они постояли несколько секунд, казавшихся для меня вечностью. Пер-

вым нарушил тишину и ложный покой, барс. Он вытянул голову и уже оттолкнулся задними лапами, но, еще не успев достаточно выпрямить в полете передние лапы, как неожиданно для себя, получил в нос сокрушительный удар кулаком. Роза молниеносно нанесла удар рукой и нырнула в сторону-вниз. Барс как бы завис в воздухе, и тяжело рухнул на землю, растелившись на ней. Он больше не поднимался. Роза, почему-то, не стала его добивать, а оставила в покое, и подошла ко мне, начав обнюхивать и суетиться вокруг меня.

Я был поражен ее силой и скоростью движений в этой смертельной битве. Несмотря на то, что у барса помимо острых клыков были еще и смертельно острые, словно бритва, когти, на теле Розы я не обнаружил ни единого пореза или синяка. После этого случая, я поверил в тайные, и спящие до определенного момента внутри, силы человека, подаренные ему, несомненно, природой.

После битвы с барсом я понял, что в одиночку с больной ногой я не смогу уберечь себя от хищников и преодолеть сложные переходы по горам, что бы добраться до цивилизации. Здесь, вблизи пещеры, я находился под защитой Розы и ее сверхчеловеческих возможностей. Быть может, хищники уже встречались с ней раньше и потому обходили ее территорию стороной, так как иных хищников, кроме этого снежного барса, я не встречал поблизости пещеры. Помимо проворности, силы и скорости, которыми она была наделена, меня поразили ее взгляд. Во время опасности он не был отуманен рассеянностью, в нем не было присутствия страха, чего нельзя было сказать обо мне. Хоть я и гордо поднялся на колени, но мой мозг сжался, его сковал черный паук страха, окутав со всех сторон невидимыми нитями волнений и рассеянности, которые всегда появляются вслед за оцепенением сознания, не дающим здраво рассуждать. Перед опасностью появляется страх в глазах, он губит душу и покоряет разум и дух, оставляя плоть бессмысленно содрогаться, испытывая дикие конвульсии пустого тела.

Эти ее внутренние силы природы неоднократно меня удивляли и поражали своей неповторимостью и простотой, которые присущи универсальному организму. Я считал себя ребенком в глазах природы, удивляющемуся и радующемуся каждому новому ее подарку. Так, однажды вечером, когда солнце еще ласкало своими лучами, освещая вход в пещеру, я, сидя на земле, пытался обучить Розу грамоте. Я хотел научить ее говорить. Я написал букву «А» на разглаженном для этого грунте.

– Это буква «А», – отчетливо произнес я.

Она игриво посматривала на меня и слегка качнулась, словно говоря мне, что поняла:

– Это «А». Повтори: «А-а», – я протяжно произнес эту букву.

На мои слова она сразу же отреагировала и, как ни странно повторила звук.

Я, было, обрадовался этой неожиданной победе и уже готов был рисовать следующую букву, как вдруг, она начала дорисовывать пальцем на изображенной букве «А» какие-то линии и крючки. Когда она закончила, то я увидел, что моя буква превратилась в странную гору с входом в пещеру, над которой сияло заходящее солнце.

– О, да. Ты хорошо рисуешь, – похвалил я ее.

Она не понимала моих слов, но, видимо, по интонации уловила мое настроение и тоже улыбнулась, глядя мне в глаза. Ее удивительно красивые глаза отражали лучи уходящего солнца. Я изобразил новую букву и хотел, чтобы она произнесла и ее, но увы, кроме первой удачи в обучении, мне больше не везло. Роза каждый раз пририсовывала к моим буквам какие-то свои линии и крючки, замысловатые зигзаги. Перед моими глазами вырастали деревья, появлялись реки, озера, пробегали какие-то дикие звери. Она играла со мной. Ее это веселило. Я не удержался, и тоже стал подражать этой внезапной и незапланированной игре. Неожиданно поднялся небольшой ветер, согнавший несколько тяжелых туч, и хлынул весенний холодный дождь. Я тут же подбежал к пещере и укрылся там от дождя. Так бы поступил каждый человек при появлении холодного дождя. К моему удивлению Роза, словно не заме-

чала холодных капель, опускающихся на ее тело. Она спокойно рисовала на земле причудливые фигуры. В дальнейшем, я не раз замечал эту особенность ее поведения.

Она не реагировала на изменения погоды. Даже по снегу она ходила совершенно спокойно, словно шла по теплой летней траве. Ее организм, закаленный дикой природой, был совершенен.

Разнообразие живого и единство природы

Прошел легкий весенний дождь, оставляя капли на траве, разбросав их, словно белые жемчужины. Где-то вдали тучи расступились и сквозь них пробиралось солнце, пронизывая их своими теплыми лучами. Огромные тени гор падали на низины, покрывая их своим лучистым взглядом. Легкий весенний ветерок разогнал ветви деревьев и кустарников, на которых появились почки растущих цветов. Всюду гулял ветер, распространяя ароматы весенних цветов и чистого горного воздуха.

Ее глаза непрерывно следили за небольшим стадом косуль, мирно пасущихся на лугу в низине между гор. Большой самец поднял голову и принюхался к запаху леса, но ничего опасного не учуяв, он опустил голову и продолжал искать съедобную и вкусную траву. Он был вожаком и следил за тем, чтобы все стадо было в безопасности. Несколько косуль отделилось от основного стада и отошло в сторону, их внимание привлекло несколько кустов с дивным запахом распустившихся цветов.

Дыхание Розы стало еще более тихим, так что одна из косуль уже совсем смело подвела свою морду к ее руке, не замечая и не чувствуя опасности. Роза была на охоте.

Раньше она добывала мелкую дичь, каковой становились: куропатки, гуси, рыба, мелкие грызуны. На более крупного зверя она обычно не вела охоту и довольствовалась более мелкой, и не менее вкусной. Но теперь, с появлением существа похожего на нее, она приняла на себя заботу о нем, и ей приходилось добывать пищи вдвое больше. Новый обитатель ее пещеры был еще слаб. С того самого момента, как она увидела его без чувств лежащим на камнях у реки, она приняла без колебаний на себя роль спасителя его жизни. Она беззаботно выполняла функции помощника в добывании пищи и с огромной радостью возвращалась в свою пещеру. Каких-то переживаний или жгущих сердце чувств она никогда не испытывала. Ее дикое сознание было наполнено каким-то новым порывом и стремлением. К чему, и почему оно возникало – она еще не понимала, она часто думала об этом новом существе, которое ее ждет там в пещере, и без которого ее жизнь не была бы сейчас так ей интересна и наполнена какой-то необычной радостью.

Ее взгляд был прикован к отбившейся косуле, которая, ничего не подозревая, мирно срывала свежие зеленые листья с куста, за которым села, замаскировавшись, Роза.

И вот, вожак небольшого стада косуль, вновь тревожно поднял голову и начал принюхиваться, втягивая полной грудью свежий лесной воздух. Неожиданно он резко вздрогнул, а потом повернул голову в сторону, словно присматриваясь куда-то в тень леса, его уши повернулись, словно два домика улиток, в направлении его взгляда. Небольшая волна прошла по мышцам его тела, он еще раз вздрогнул.

В этот момент косуля, что паслась у кустов, совсем приблизилась к руке Розы, так, что охотник чувствовал дыхание косули. Доля секунды и рука Розы обвилась вокруг животного. Косуля рванулась от кустов, пытаясь высвободиться от цепкого хвата, и потянула за собой Розу. Роза, сжимая крепко руки на шее косули, вместе с ней буквально пролетела несколько метров. Пытаясь высвободиться, косуля брыкалась задними ногами, целилась ударить ими по ниоткуда появившемуся хищнику, но споткнулась и упала.

Роза крепко сжимала свою добычу, не давая ей ускользнуть. В этот момент все стадо было чем-то напугано и рвануло прочь с места, умчавшись с поляны окруженной густыми деревьями, и скрылось в лесу. С противоположной стороны послышался едва заметный шум и чье-то тяжелое дыхание.

Роза слышала все эти звуки, но не знала еще, что ей делать. Если она отпустит косулю, то та убежит, и ей опять придется потратить часы на подобную охоту. Она слегка ослабила хватку и перехватила ногами часть туловища косули, прижимая тело к земле. Подняв голову,

она почувствовала по запаху чье-то присутствие, и даже определила, что какое-то животное приблизилось к ней и косуле. Ее природный развитый инстинкт подсказал ей, что необходимо подняться и осмотреть нового актера, который так внезапно выступил на сцену охоты. Она приподнялась на колено, прижимая косулю к земле так, чтобы та не смогла подняться. В этот момент она увидела в трех шагах от себя большую полосатую кошку, принадлежащую к семейству тигров. Хищник порывисто приближался к ней, но не особенно торопился. Роза отпустила косулю, уступила большущему и сильному зверю. Она отошла назад на пару шагов. Такого зверя она видела впервые. Он был похож на снежного барса, с которым ей приходилось иметь дело, но в размерах значительно превосходил его. Хищник подошел к лежащей косуле, остановился, раскрыл пасть и глубоко зевнул. Он поглядел на Розу своими крупными круглыми глазами, затем опустил голову и принялся к косуле. Та, словно почувствовала опасность, попыталась встать, но это ей не удалось, она упала, и в этот момент, тигр раскрыл огромную пасть и намертво вцепился в сочную шею косули. Ее шейные позвонки захрустели, и безжизненное тело косули повисло в пасти хищника.

Тем временем, Роза внимательно смотрела на новое для нее существо. Она изучала его. Она была удивлена размерами и тем, как легко он справился с добычей, ему хватило одного укуса в области шеи косули. Тигр, на вид молодой, ему не было двух лет, отпустил шею косули и спокойно посмотрел на Розу изучающим взглядом. Он еще никогда не видел голого человека с ярко рыжими волосами, укутывающими голову. Он несколько раз глянул в ее сторону, затем еще раз зевнул и, схватив косулю за шею, потащил ее в чащу леса, повернувшись к Розе спиной. Тело косули волоклось рядом с хищником. Он не успел сделать и пяти шагов, как почувствовал сильный удар в бедро. Оказавшись на земле, он тут же вскочил и обернулся. Перед ним стояло существо с рыжими кудрями. Не раздумывая, он бросился на это существо. Роза, в свою очередь, повернулась и побежала в противоположную сторону. Едва добежав до ближайшего дерева, она запрыгнула на высокую ветку, оттолкнувшись от ствола дерева, затем подтянулась и залезла еще выше так, что лапы тигра не могли ее достать. Тигр, тем временем, чуть не достав обидчика лапой, стал кружиться вокруг ствола дерева, то и дело, поглядывая вверх. Сделав несколько бессмысленных кругов, он поднялся на задние лапы, а передними оперся о ствол дерева. Дотянувшись до высоты двух метров, он выпустил когти и начал ими царапать ствол дерева, демонстрируя, тем самым, свою силу и мощь. Он хотел запугать незнакомое ему существо. Опустившись на землю, он издал сокрушительный и грозный рев так, что все птицы в округе, с перепугу, слетели со своих мест и умчалась прочь. Однако, это действие ничуть не отразилось на незнакомке. Напротив, она начала сильно и с яростью трясти ветви дерева, да так, что некоторые сухие ветви, вместе с первыми зелеными листьями, полетели вниз на тигра. Это действие не столько напугало, сколько удивило тигра. Он отошел от дерева, еще раз взглянул вверх на своего оппонента и легкой походкой побрел к лежащему трупку косули.

Роза спрыгнула вниз, подняла несколько камней и веток, и с яростью (ей не хотелось уступать незнакомому хищнику добычу) метнула все это вслед уходящему победителю.

Оставив косулю тигру, Роза направилась к небольшому озеру, от которого вились змейкой несколько мелких речушек. У берега она заметила трех плывущих черных птиц. Трое диких с черным оперением гусей тихо плыли по блестящей глади озера, изредка переговариваясь между собой. Роза незаметно, словно анаконда, подкралась к берегу, и нырнула в глубину. Под водой она увидела множество желтых и красных рыбок, величиной с ладонь. Она и раньше ловила в этом чистом и прозрачном, словно роса, озере, рыбу, но сегодня ей хотелось принести в пещеру мясо покрупнее, так как теперешние ее заботы были направлены на существо, о котором она, с трепетной радостью в сердце, каждый раз вспоминала, когда отдалялась от пещеры в поисках добычи. Нырнув поглубже и слившись с дном озера, она подплыла под ничего не подозревающих, и спокойно плывших, черных птиц. Не успев ответить своему себе-

седнику на гусином языке, одна из черных птиц внезапно погрузилась под воду. Так теплым весенним вечером Роза принесла объекту своих нежных чувств, свежее гусиное мясо.

Вильям, каждый раз с возвращением Розы, благодарил ее теплыми словами и улыбкой. Для разделки мяса он использовал нож, который находился всегда с ним. Зажигалка потеряла свою ценность вместе с покинувшей ее горючей жидкостью. С тех пор, как погас последний фитиль в зажигалке, Вильям питался ягодами, что росли на кустах, неподалеку от пещеры. Но такой пищей он не мог насытить свой организм. Его организму необходимы были белки животного происхождения. А есть сырое мясо Вильям отказывался. Его сознание не могло перейти грань, отделяющую цивилизованный мир от дикого, и поэтому, он решил найти компромисс. При помощи ножа он отрезал небольшие кусочки мяса и раскладывал их днем, когда ярко светило солнце, на раскаленные камни. Мясо слегка поджаривалось и он, хоть и с трудом, но все же стал принимать необходимые ему калории и белки. Используя такой способ – наполовину дикий, он постепенно приобщился к сырому мясу. Свой нож он использовал еще с одной целью. За то время, что он находился в пещере и восстанавливал свой пострадавший организм, он начал обрастать. Его волосы удлиннились и уже доставали до бакенбард, а также появилась небольшая черная борода. Вильям, используя нож и свое отражение на поверхности небольшого бассейна, который питался водами из небольшого водопада, расположенного недалеко от пещеры, приводил в порядок свое лицо, срезая отросшие волосы.

Однажды, когда организм Вильяма был значительно укреплен, так, что он мог перемещаться на более значительные расстояния (но не мог еще бегать), под разлившимися лучами солнца, Вильям вместе с Розой отправились за пределы пещеры. Это был первый их совместный поход на соседнюю гору. Спереди шла Роза, слегка сутулясь и очень тихо ступая (это было в ее природе), а за ней медленно и, оглядываясь по сторонам, тяжелой поступью шествовал Вильям. Она иногда поворачивалась и улыбалась, словно успокаивая его и показывая ему какую-то дорогу, знакомую ей.

– Я иду, иду. Со мной все хорошо, – повторял Вильям, когда видел, что Роза оглядывается и проверяет все ли с ним в порядке.

Дорога поднималась куда-то вверх по соседней горе. Они перешли несколько мелких речушек, где вода бежала вниз по камням. Неожиданно им встретились узкие ступеньки, ведущие куда-то вверх, мимо огромных круто поднимающихся скал.

«Это строили руки человека!» – подумал с надеждой Вильям. Он шел позади, поднимаясь по ступенькам и делая небольшие перерывы, чтобы отдохнуть. Он не мог еще быстро и проворно передвигаться, так как его мышцы утратили былые физические качества. Роза же, то и дело, ловко перемещалась вокруг деревьев, она не пользовалась ступеньками, и шла между многочисленных кустарников, собирая по дороге различные ягоды. Иногда она ловко запрыгивала на деревья и в ожидании своего попутчика выглядывала из-за веток. Вильяму казалось, что он ее потерял, но как только он взволнованно оглядывался по сторонам, она тут же появлялась перед ним из ниоткуда. Спустя несколько часов пути они добрались до небольшого нижнего храма, что окружал верхушку скалы. Лучи солнца пробивались сквозь густые кроны деревьев и разливались на травянистой земле, игриво отбрасывая тени. Чем ближе они подходили к храму, тем больше опускался туман поглощающий скалу сверху. У самых стен некогда бывшего буддистского храма они увидели наполовину разбитые отдельные части различных храмовых сооружений. По-видимому, люди не унесли с собой красивые статуи и решили их разбить у стен храма. На земле валялись куски частей различных статуй монахов, богов, каких-то причудливых животных.

За практически уничтоженными стенами, храм раскрылся перед взором посетителей в своем былом, а ныне полуразрушенном великолепии. Удивлял сложный, до мельчайших деталей продуманный дизайн и великолепный орнамент на крышах и многочисленных перегородках. Храм являлся для монахов святым местом и его архитектор сделал все, чтобы это место

успокаивало своим внешним видом сердце и, чтобы здесь земная душа могла найти покой и уединение с природой. Архитектурные сооружения делались так, что бы всюду была видна гармония человеческого искусства с природными ландшафтами гор, лесов, восходящего и заходящего солнца.

Пока Вильям, огорченный тем, что храм был пуст (в нем не было монахов), осматривал диковинные сооружения, Роза вошла внутрь какого-то помещения и скрылась в нем.

Несколько мартышек с красными мордами красовались на крыше одного из зданий. Увидев Вильяма, они ничуть не взволновались. «Они знают людей и были частыми посетителями этого опустевшего, местами унылого, произведения искусства», – размышлял Вильям, осматривая храмовые сооружения.

Он заметил несколько деревянных лестниц, ведущих в центр храма и поднимающихся вдоль стены куда-то вверх. «Наверное, там, на вершине скалы есть еще какое-то строение», – подумал Вильям, – «И, судя по небольшому диаметру основания, оно имеет небольшие размеры».

Вильям вытащил нож, чтобы отрезать небольшую деревянную голову льва, почти отломанную от крыши одного из сооружений. Несмотря на то, что дерево было старым, ему не удавалось отделить голову льва. Он уже почти дотянулся, опираясь носками о какую-то перегородку внизу, как вдруг покачнулся и, потеряв равновесие, спрыгнул на деревянный пол. Вильям был настойчив и решил довести дело до конца. В этот момент с крыши на землю по перегородкам спустилась одна из любопытных красномордых мартышек и, усевшись в трех метрах от Вильяма на землю, начала с интересом наблюдать за ним, словно находилась в первом ряду амфитеатра.

– Что? Интересно? – произнес Вильям.

Он поправил рубашку. Отложил ножик на одну из небольших скамеек, что находилась у входа в здание, и поднял с пола лежащую палку, которая была кем-то оторвана от стены. Затем он опять стал на носки, опираясь о небольшую перемычку в перилах входа, и потянулся к голове льва. Не успел он размахнуться палкой, чтобы сбить почти оторванную голову, как позади себя услышал тихие шаги. Он обернулся и увидел, как мартышка, покинувшая первый зрительный ряд, подошла к самым ногам Вильяма и совершенно спокойно и бесцеремонно, словно все было приготовлено для нее, подняла ножик, оставленный ошибочно Вильямом, и отошла с ним на свое прежнее место, рассматривая новый предмет.

– Эй! Ты! – закричал Вильям на мартышку. – Да, да, ты! – мартышка подняла голову в сторону Вильяма. – Ну-ка верни на место.

Но мартышка и не думала этого делать. Она спокойно, словно Вильяма и не было, сидела и рассматривала нож.

Вильям оставил свою бесплодную затею, спрыгнул вниз и, поправив растрепанную рубашку, вылезшую из-под разорванных брюк, направился к непокорной мартышке, которая не собиралась возвращать ему нож. Заметя приближающегося к ней человека, мартышка ловко залезла на крышу, используя перекладыны и деревянные перегородки, расписанные и украшенные причудливыми рисунками.

– Ах, ты! – возмутился Вильям. – А ну отдай. Это не твое. Он махнул рукой, предлагая мартышке добровольно отдать украденную вещь. Но животное и не думало этого делать. Напротив, как только Вильям повысил голос и начал угрожающе махать руками, мартышка произнесла громкий и писклявый возглас, после чего стала протягивать нож в направлении Вильяма и махать им в разные стороны, словно дразня своего собеседника тем, что эта вещь уже не принадлежит ему. Наконец, под ласковые уговоры и свирепые запугивания Вильяма, она оскалила свои зубы до появления розовых десен, демонстрируя тем самым своему оппоненту, что ему не следовало разбрасывать свои вещи, где попало.

После десятиминутных уговоров Вильям сдался на волю победителя и опустил беспомощно руки. Он развернулся и уныло, нетвердой поступью, побрел к зданию, где скрылась Роза. Но, не дойдя до ступенек, увидел, как из здания выскочила Роза, ее зеленые глаза блеснули в лучах солнца. Она подбежала к скамейке, запрыгнула на нее и, посмотрев на крышу, что-то произнесла, издавая тихий и ласковый крик. Словно по волшебству обезьянка, что стащила нож у Вильяма, спрыгнула по доскам и перегородкам, как акробат в цирке, и вмиг оказалась у ног Розы. Она передала ей нож. Роза покрутила его перед глазами и взяла его так, как это делал Вильям, когда разделявал тушу убитого животного. Но перепутав лезвие с рукояткой, она резко отпустила нож, словно он ужалил ее, и вскричала. Она порезала лезвием ладонь. Вильям тут же подбежал к ней. Обезьянка испугалась и вновь забралась на крышу, на прежнее место. Из раны, от пореза ножом, текла темной струйкой кровь. Вильям поднял руку Розы, чтобы остановить прилив крови и перевязал руку у запястья частью своей рубашки, оторвав от нее рукав. Когда кровь остановилась, он зализал ей рану, как это делают животные, заботясь о себе подобных. Роза спокойно сидела и с любопытством смотрела на Вильяма, словно у нее не было раны. После того, как кровь перестала появляться, Вильям перевязал рану рукавом, сняв его с запястья.

Путешествие и знакомство с тем, что некогда было роскошным храмом, продолжилось. Теперь Вильям и Роза шли рядом. Они вошли в просторный зал, наполненный причудливыми, наполовину разбитыми, статуями, множеством самых разнообразных чаш и ваз; у стен были рядом выложены и развешаны небольшие колокольчики, украшенные сложнейшим и тонким орнаментом по наружным овальным стенкам. В центре зала находилась огромная, в человеческий рост, статуя Будды. Будда сидел в позиции скрещенных ног, и его взор уходил куда-то вдаль за бескрайний горизонт многочисленных гор и скал, частично укутанных тонкой вуалью расступающегося тумана и наступающих, словно тысячи стрел и копий, солнечных лучей. По периметру зала, возле расписанных стен, украшенных разноцветными красками сложных пейзажей, располагались небольшие бронзовые и металлические статуи монахов во всевозможных застывших причудливых позах. Часть монахов, сделанных из менее прочного материала: стекла, глины, фарфора, валялись разбитыми на полу.

Из зала выходило несколько дверей на узкий деревянный мостик, напоминающий ложу или балкон. По нему можно было, словно по открытому коридору, пройти в соседнее помещение. Вильям осторожно ступал по этому коридору, так как этот переходной путь был абсолютно открытым. Под этим мостиком находилась пропасть, она виднелась сквозь небольшие щели в поскрипывающем полу. Мостик был прикреплен к скале с одной стороны. Опираясь на перила второй открытой стороны, Вильям осторожно поглядывал вниз в пропасть, где виднелись верхушки разнообразных деревьев, и иногда поднимая голову, он всматривался в бесконечный горизонт горного хребта, где виднелись горы и скалы, покрытые зеленым, белым, желто-коричневым цветом, расписанные могучим и не видимым творцом.

На середине пути от моста уходило горизонтальное бревно, украшенное с не меньшим старанием и аккуратностью талантливых скульпторов и художников, и зависало над пропастью. На конце этого бревна виднелась голова какого-то животного похожего на дракона. Подойдя ближе, Вильям заметил на голове этого существа, выполненного из дерева и металла, небольшую чашу, внутри которой находилось несколько наполовину сожженных тонких свечей и благовоний.

Интересно, – подумал Вильям, – Как же монахи залезали на эту голову по бревну, чтобы поставить и зажечь на ней несколько свечей? Ведь опираться им не приходилось: справа и слева не было ни ручек, ни перил, на которые монахи могли опираться, ползя по горизонтальному бревну отдаваясь от скалы и моста, и зависая над пропастью. С другой стороны, он не мог понять, а собственно, каким же образом эти несчастные, кому выдалась доля выполнить этот ритуал, возвращались обратно. Ведь единственный путь был тот, каким они и добрались до

головы дракона. Стало быть, они вынуждены были пятиться спиной обратно, после того, как установят свечи и благовоний в чашу.

«Нелегка порой жизнь монаха и даже опасна», – подумал Вильям.

Перейдя мост, Вильям и Роза оказались в небольшом коридоре с расписанными столбами драконами и тиграми. Пройдя по коридору, они вышли на небольшое плато, от которого поднимались каменные ступеньки ведущие к еще одному помещению, расположенному на самой вершине скалы. Вероятно, это помещение носило главный смысл всего архитектурного ансамбля, раз его поместили как можно выше.

Вильям вспомнил рассказ проводника Лей Юня о том, что монахи строили храмы как можно выше, чтобы быть поближе к богам, живущим на небесах.

«Какие же боги расположились там, в верхнем храме?» – думал Вильям, поднимаясь вместе с Розой по крутым ступенькам.

На небольшом плато, к удивлению Вильяма, он обнаружил крошечное помещение, украшенное со всех сторон, как и подобает верхнему храму, блестящими, напоминающими золото и серебро, желто-белыми росписями и изящным орнаментом, на котором красовались под самой синевой неба красные драконы, желтые львы и множество Будд, застывших в разнообразных позах.

Роза подбежала к обрыву и с интересом уставилась вниз, оглядывая крошечные верхушки деревьев, тонкие нити голубых и зеленоватых рек, желтые луга и белые вершины далеких гор. Этот незабываемый пейзаж, по-видимому, ее манил и удивлял сильнее, чем архитектурные памятники китайских мастеров. Вильям, обойдя крошечный храм, размером десять квадратных метров, подошел к деревянной двери, на которой не было, как ни странно, ни одного иероглифа, ни одного рисунка или орнамента вырезанного на дереве. Деревянная дверь, которая являлась единственным входом в верхний храм, была чиста от изображений, дерево было даже не окрашено ни единой краской. Вильям тихонько отворил ее, она была не заперта, как и все двери храма, и всех его помещений. Оказавшись внутри, он заметил, что голова почти касается потолка, и слегка пригнувшись, он дошел до небольшого алтаря со множеством чаш и пиал. Свечи и благовония, находившиеся внутри сосудов, уже давно сгорели, оставив лишь небольшие полуистлевшие основания. Над алтарем виднелась статуя монаха в желтой мантии, капюшон которой скрывал голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.